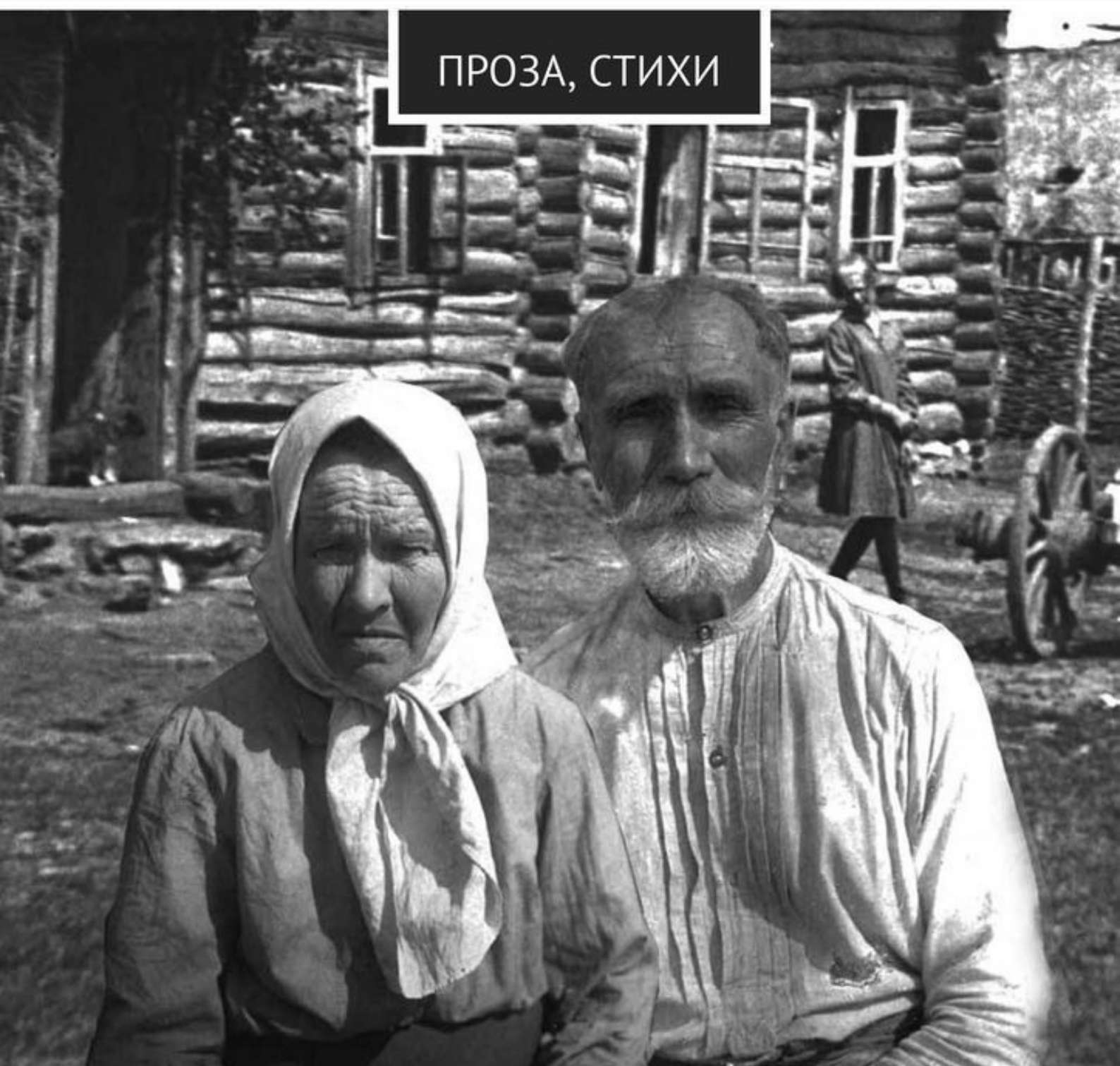

18+

НИНА МАЙОРОВА

Пока нас помнят, мы живём

ПРОЗА, СТИХИ

Нина Майорова

**Пока нас помнят, мы
живём. Проза, стихи**

«Издательские решения»

Майорова Н.

Пока нас помнят, мы живём. Проза, стихи / Н. Майорова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988443-5

Возможно, кто-то упрекнет меня, что я пишу о себе, но так делают многие, даже великие писатели. Книга — это слепок души (с). Как часто, уже состарившись, жалеешь, что не выспросила у родных что-то важное о семье, о родне, о том, как это все было тогда: революция, Гражданская и Великая Отечественная войны и так далее. Меня расспрашивать некому, а может быть, родственники еще не дожили до того возраста, когда это будет их интересовать... (Нина Майорова)

ISBN 978-5-44-988443-5

© Майорова Н.
© Издательские решения

Содержание

Воспоминания	10
Семейные истории. По воспоминаниям Ольги Рубальской (Тарелкиной)	20
Воспоминания Татьяны Николаевны Хлоповой и Галины Николаевны Лукиной, до замужества Тарелкиных	32
Бывают ли на свете чудеса?	42
Мамины рассказы	43
Ниночка	47
Народная примета и вещей сон	49
Сочинение ко Дню Победы	50
Как важно быть смелым	52
Как важно быть дисциплинированным	54
Дорога домой	55
Воспоминания	60
Детские обиды	62
Мозаика воспоминаний. После школы	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Пока нас помнят, мы живём

Проза, стихи

Нина Майорова

Редактор Татьяна Евгеньевна Помысова

© Нина Майорова, 2020

ISBN 978-5-4498-8443-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нина Николаевна Майорова

От автора

Эта книга для тех, кто хочет знать, как мы жили в советские годы.

Что было тогда плохого, а что хорошего. Но хорошего, на мой взгляд, было больше. Это – моя третья книга, написанная уже в зрелые годы. Она является продолжением книги «О Родине, времени и о себе...»

Возможно, кто-то упрекнёт меня, что я пишу о себе, но так делают многие, даже великие писатели. Книга – это слепок души (с).

Как часто, уже состарившись, жалеешь, что не выспросила у родных что-то важное о семье, о родне, о том, как это всё было тогда: революция, Гражданская и Великая Отечественная войны и так далее. Меня расспрашивать некому, а может быть, родственники ещё не дожили до того возраста, когда это будет их интересовать. Но будет поздно. Поэтому, я решила написать о том, чему свидетелем я была и что запомнилось мне из воспоминаний старших.

Эту книгу я с благодарностью посвящаю памяти моих горячо любимых родителей: Николая Ивановича и Елены Степановны Майоровых. Дорогой читатель, надеюсь, что Вам будет интересна эта книга. Это будет откровенный и доброжелательный разговор о жизни, времени и о себе. Благодарю моих родных, сподвигших меня на написание этой книги за моральную и материальную поддержку :

Льва Петровича Матвеева,
Татьяну Николаевну Хлопову,
Галину Николаевну Лукину,
Ольгу Николаевну Рубальскую,
Александра Владимировича Майорова,
Анатолия Владимировича Тарелкина,
Владимира, Виктора,
Надежду Державиных

С любовью и уважением, Нина Николаевна Майорова

Нина Майорова

**О РОДИНЕ,
ВРЕМЕНИ
И О СЕБЕ...**

Воспоминания, рассказы, стихи

Первая книга Нины Николаевны Майоровой

Вторая книга Нины Николаевны Майоровой

Нина Николаевна Майорова – поэт и писатель, автор трёх сборников, отлично владеющий русским языком, активный участник культурной и литературной жизни Москвы, обаятельная и милая женщина, искренняя и позитивная, сохранившая чистейший взгляд на мир.

Постоянный участник издательских проектов «Антология сетевой поэзии», «Антология короткого рассказа», «Живое авторское слово» и многих других... Нина Майорова пишет о природе, о Родине, о себе – обо всем, что

её волнует. Записи мемуарного плана интересны описанием существующей социалистической действительности с исторической точки зрения.

Стихи Нины Николаевны легки и просты по форме, но затрагивают душу. Она пишет и для себя, и для тебя, дорогой читатель. Сборник очень удачно структурирован автором: сначала идут повествования мемуарного плана и воспоминания, затем рассказы, сказки и стихи.

Надеюсь, что в её произведениях ты найдешь созвучные твоей душе ноты, и откроешь книжечку ещё и ещё... Приятного чтения!

Татьяна Помысова, Член МРСП

Воспоминания

Моя бабушка Надежда Васильевна Тарелкина, урожденная Фирсонова, родилась в небогатой семье. И хотя по рассказам была очень красивой, долго не могла выйти замуж. По преданию родители моего деда Степана Ивановича Тарелкина были довольно суровыми и даже жестокими. Поэтому, к ним в дом матери не хотели отдавать своих дочерей, жалея их.

Фото из семейного архива

Раньше не особенно считались с чувствами молодых и, скорее всего, моя бабушка попала в дом Тарелкиных бесприданницей. Она была на год старше своего мужа, что не одобрялось ни в какие времена.

Фамилия «Тарелкины» произошла от прозвища, так как у них, у первых на селе появились первые фаянсовые тарелки, тогда как на селе пользовались глиняной посудой: мисками, плошками, горшками.

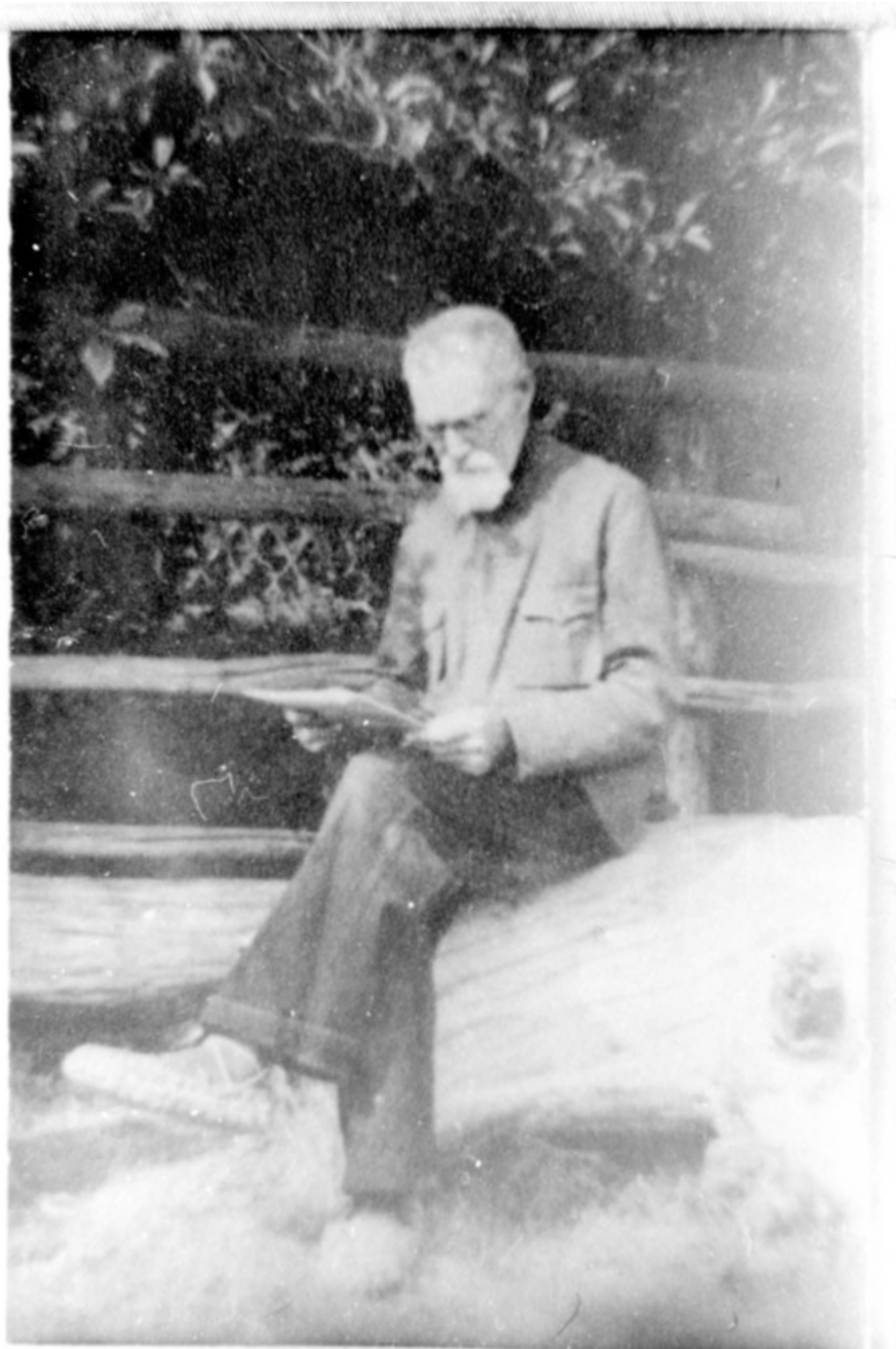

Фото из семейного архива

Пара оказалась на диво красивой и прочной. Молодая семья подалась на заработки в Санкт-Петербург к деду, содержавшему большую семью: жену и шестерых детей, служившему дворником. Старшие учились в училище для простолюдинов, организованном

П. А. Потехиным. Преподавание там велось по программе гимназии. Многие из учителей были выходцами из привилегированных семей. Заработанные дедом деньги частично отсылались отцу на село, чтобы построить отдельный дом для молодой семьи. Однако, этими деньгами, с согласия отца, воспользовался брат деда и, когда во время революции дед вернулся на свою «малую родину», ему пришлось строиться на выселках в четырёх километрах от села через реку. Дом этот дед построил своими руками, лишь немного помогали старшие мальчики. Дом стоит и поныне.

Майоровы

Когда началась война, мы с мамой, с братом и моими двоюродными сестрами-сиротами были в деревне у дедушки с бабушкой в дальнем Подмосковье.

Мой папа, Николай Иванович Майоров, будучи военным служащим, каким-то образом вырвался в деревню, чтобы отправить нас в эвакуацию. Он предложил и бабушке с дедушкой ехать с нами. В то время большинство людей были верующими. Но наша бабушка была настолько набожной, что соседи считали её святой. И вот, помолившись и загадав сон, она легла спать, а наутро говорит: «Никуда мы отсюда с дедом не поедём. Немца здесь не будет». И рассказала свой сон. Я его передам, как помню с рассказа мамы.

– Вот стою я на крыльце, – говорит бабушка, – а перед домом глубокая-преглубокая и длинная-предлинная яма, на другой стороне стоит немец, а я думаю: «Нет, голубчик, тебе через эту яму не перебраться».

Брат же, которому в то время было шестнадцать лет, несколько по-другому рассказывал этот сон. Будто, на другой стороне этой ямы показалась сначала одна девочка (диво), а потом другая и обе исчезли. Это означало два дива, что немец пришёл, но не дошёл... И еще брат удивлялся, как неграмотная бабушка могла описать настоящий противотанковый ров.

Самое интересное, что её предсказание сбылось. В округе – километрах в пяти-шести от нашей деревни были передовые отряды немцев-разведчиков, а к нам они не попали. Вот такие чудеса бывают в жизни.

Из деревни в Москву мы ехали на «Эмке» и видели кружащие над нами зловещие немецкие самолёты, слышали их ужасный вой. Жуткий страх от гула самолета преследовал нас и по окончании войны, когда летали только наши, краснозвёздные самолёты. В Москве мы пробыли несколько дней. Помню тёмные бумажные шторы, сигнал тревоги из чёрной тарелки репродуктора. Мама бросалась одевать нас, троих малышей, а пока она нас одевала, давали отбой. После этого, мы, малышня, услышав тревогу, бросались под большой обеденный стол, там было спокойнее и продолжали играть в куклы.

Из Москвы в Пензу мы ехали крытой грузовой машиной. На ночлег останавливались в сёлах, где сердобольные женщины поили нас чаем и угощали, чем Бог пошлёт. При этом расспрашивали: «Неужели все это ваши дети?» Мама объясняла, что сын и дочь – её, а вот две девочки – дети брата, сироты, поскольку их мать умерла в роддоме. Женщины ахали, вздыхали, может быть задумывались и о судьбе своих мужей и сынов, ушедших на войну.

Однажды одна старушка, услышав рассказ мамы о сиротах, сказала: «Вот попомни мои слова, все твои с войны вернуться, так как ты сирот в беде не оставила». Мама вздохнула: «Вряд ли это случится, такая война». Однако, предсказание старушки сбылось.

В войне участвовали все мужчины нашей семьи: папа и оба брата. Старший брат, окончив десятилетку, поступил в военное артиллерийское училище, которое было переведено в Пензу, куда мы и ехали. Второй брат ушёл на фронт добровольцем в семнадцать лет, окончив училище в Уфе. И все они вернулись с войны. Погиб только один мой двоюродный брат – Виктор Кулевский, совсем еще мальчик, папин племянник. В маминой семье все братья и сестры остались живы.

Когда в 1942-м году немец был отброшен от Москвы, мы вернулись. И вновь на лето были отправлены в деревню все трое: Таня, Галя и я. В деревне нас радовало всё: пушистая чёрно-белая кошечка.

– Ой, бабушка, какое красивое платьице надела кошка!

– Как же, она вас ждала, вот и нарядилась...

– Ой, какие красивые маленькие ягнятки! Как их зовут?

– А это Таня, Галя и Нина, – улыбалась бабушка.

Умная и красивая корова – почему-то Танька. С родителями в деревне жила их старшая дочь Анна. Она нам казалась строгой и сердитой. Может потому, что у неё была неудачная жизнь, но об этом потом... А тут, не сговариваясь, мы стали звать корову Анькой. Когда мы

шалили, чтобы нас остановить, бабушка тихо, но строго говорила: «Вот вас касатик заберёт!» И мы затихали. Хотя, до сих пор так и не знаю, кто это такой. Тем более, что порой, лаская нас, она приговаривала: «Ах, вы мои касатики». Я не помню, чтобы бабушка, хоть раз, повысила на нас голос, а тем более накричала. Дед ворчал, а тётя Аня могла и наподдать...

Как-то возле леса остановился цыганский обоз. Нас не отпускали от дома, поскольку, как сказала бабушка, «цыгане десант высадили».

Таня, Галя и Нина. Фото из семейного архива

Когда мы уже учились в школе, на лето мы вновь и вновь приезжали к бабушке и дедушке в деревню. Мы уже знали, что у Пушкина была старая няня, которая рассказывала ему интересные сказки. Поэтому, устав от беготни и уличных игр, чтения и посильной помощи старшим, мы хором просили бабушку рассказать сказку. На это она нам отвечала, что сказок не знает, а расскажет быль. И рассказывала нам, не зная Бога, как Христос по воде ходил, аки посуху, как он семью хлебами и рыбой накормил огромное количество народа. Мы воспринимали это все равно, как сказку. Моя неграмотная бабушка отличалась замечательной памятью. Как рассказал мне потом старший брат, в свое время в колхозе вели антирелигиозную пропаганду, и он очень удивлялся, почему это верующая бабушка так спешит на эти занятия. Оказалось, что председатель колхоза – грамотный Трофим Емельянов просто — напроосто читал Библию, а потом говорил: «Всё это, бабоньки, неправда, все это – вранье». А старушки оставались при своем мнении и только воскрешали в своей памяти страницы Библии.

Володя, мой старший брат, когда я уже выросла, рассказывал много историй о своем житье в деревне: как он с младшим братом обрезаю неспелые яблоки наполовину так, чтобы с крыльца они казались целыми; как вместо табака набивали трубку дохлыми мухами деревенскому портному пьянице.

В моём детском мозгу сложилось тогда неправильное представление, будто в деревнях живут только бабушки и дедушки, а в городах – родители с детьми. К сожалению, в наше время – это почти верная картина.

Когда мы жили в деревне, время от времени к нам приезжал мой папа на «Эмке» и катал нас и всех деревенских ребятишек на машине, ведь тогда это было такой редкостью.

Николай Иванович Майоров. Фото из семейного архива

Я помню, как в послевоенной деревне пахали поле плугом на лошадях, как дедушка сеял пшеницу, шагая в лаптях по полю и разбрасывая семена горстью из соломенного лукошка-

севка... Помню, что ригой называли огромный сарай, где сушили снопы, молотили и веяли хлеб, а не город, о котором я узнала позже в школе. Вот, оказывается, какая я уже старая...

Сколько помню себя, бабушка с дедушкой вставали чуть свет, а ложились за полночь. Когда мы приезжали в деревню, бабушка хлопотала по дому: то возле русской печи с тяжелыми горшками и ухватами, то обихаживала скотину и огород. Иногда мы ей помогали: пололи картошку, собирали гусениц с капусты, ворошили и сгребали сено, ходили за водой к колодцу с жестяными ведрами, рвали в лесу траву для вечерней дойки коровы, которую бабушка всегда подкармливала при этом. Рвать траву с других угодий не разрешалось, так как они принадлежали колхозу. Иногда помогали пасти скот пастуху, но это поручалось только бойкой и ловкой Гале. Слыша с вечера разговор взрослых, что надо зарезать овцу, мы хором просили: «Не надо! Не надо!» Так нам было её жалко. Зато поутру, когда нам давали тушёную картошку с мясом, мы дружно её уплетали и нахваливали: «Как вкусно!», а сейчас её считают вредной едой.

В то время не было сахарного песка и рафинада, в сахарнице всегда подавался к чаю сахар, мелко наколотый дедом из большой сахарной головы. Не помню, чтобы нас ограничивали в сахаре, но мы придумали пить чай «вприглядку», а после, вылезая из-за стола, охотно съедали сэкономленный сахар. Так было не то чтобы вкуснее, но интереснее. Вот такая была забава.

Когда мы с сестрами учились в восьмом классе, бабушку парализовало. Основная забота по уходу за ней легла на дедушку Степана и их старшую дочь Анну. Нам поручали поить ее с ложечки и отгонять назойливых мух. Хотя бабушка была парализована, речь сохранилась. Она говорила нам: «Вот лежу я здесь, как обрубок, а кругом такая красота (про сад), что и умирать не хочется!»

Семья Майоровых и Тарелкиных. Нина в школьном фартуке. Фото из семейного архива.

Думаю: «Их всю жизнь учили и они в это верили, что их ждет загробная жизнь, а ей все равно хотелось жить на этом свете. Что же тогда говорить о нас, которые и хотели бы верить, да все сомневаемся».

Семейные истории. По воспоминаниям Ольги Рубальской (Тарелкиной)

Я хочу рассказать о семейных историях моей тети Елены Майоровой, в девичестве Тарелкиной.

Елена Степановна Майорова – из крестьянской семьи дальнего Подмосковья – села Большие Белыничи. Село Белыничи находится на границе Московской и Рязанской областей. Оно одно время входило в Рязанскую область, в настоящее время находится в составе Московской области.

Елена Степановна Майорова (Тарелкина)

В семье существовал вопрос: почему фамилия у крестьян Тарелкины, ведь в крестьянских семьях тарелками вообще не пользовались. Один из простых ответов. Кто-то привёз из города тарелки и их стали использовать. Но это маловероятно, так как для еды использовалась одна большая миска или деревянная ладья.

Все знают роскошную деревянную ладью с росписью народных умельцев например, хохломскую, к которой прикладывается набор деревянных ложек. В неё наливался суп или накладывалась каша. По команде старшего в семье все начинали есть из одной посуды – большой миски. Этот обычай просуществовал вплоть до начала двадцатого века. Фамилии же давались крестьянам в основном в пятнадцатом веке.

В качестве другой гипотезы выдвигается следующая версия. В средние века писались жалобы царю. За эти жалобы можно было получить наказание вплоть до казни. Особенно не поздоровилось бы зачинщикам, то есть тем, кто подписывался первым в жалобе. Поэтому была придумана особая подпись, при которой нельзя определить, кто первый поставил подпись – это подпись по кругу жалобы. А крестьяне, подписавшиеся по кругу, стали называться тарелщиками. Может быть происхождение фамилии связано именно с этим, то есть, жалобщиками. (Талер – это немецкая монета круглой формы. Тарелки – это посуда, имеющая форму талера).

Семья моего деда была по крестьянским понятиям довольно зажиточная. Мой дед Степан Иванович был вторым сыном в семье. Дом, в котором он родился, должен был достаться старшему брату. Дед решил накопить деньги и построить дом. Для этого он отправился в столицу Санкт-Петербург.

Сначала дед устроился на работу дворником, но вскоре дослужился до управляющего доходными домами на Надеждинской улице (ныне улице Маяковского). Он смог дать всем детям образование. Дочки окончили гимназию, а сыновья реальные училища. После революции, спасаясь от голода и холода, он, вместе с семьей вернулся в родное село. (Возможно, быстрое бегство из Петербурга было обусловлено и другими причинами. Как теперь известно, все управляющие были на службе в полиции. Они должны были доносить о неблагонадежных жильцах. Возможно, дед спасался ещё и от репрессий). Добирались несколько недель на перекладных. На поезда невозможно было попасть. Вернувшись, он вместе с еще несколькими крестьянами ушёл на поселение. Основал новую деревню – Татины. Она находится на красивейшем берегу реки Осетр (приток Оки) в четырёх километрах от Бельничей. Было построено на скорую руку десять домов.

У деда было шестеро детей: Кузьма, Анна, Елена, Николай, Владимир и Вера. Кузьма был старшим сыном. Он говорил, что мать родила его в поле на меже. Кузьма окончил коммерческое училище и был коммерсантом. В дореволюционные годы в Санкт-Петербурге были в моде различные эзотерические учения. Кузьма увлекался учением Блаватской и хиромантией. Однажды он, посмотрев на руку своего приятеля, сказал, что тот умрет через полгода. Что и произошло. После чего Кузьма почти перестал заниматься предсказаниями. Но иногда просил посмотреть руку и говорил только хорошее, либо ничего не говорил. Во время революции он примкнул к большевикам. Сражался в Красной Армии под Мурманском. Рассказывал, что чудом остался жив. Его отправили с депешей в штаб. Когда вернулся, то оказалось, что его дивизия была разгромлена английским десантом и практически все погибли.

Приблизительно в 1920—21-х годах ему устроили проработку на партийном собрании за увлечение эзотерическими учениями (наверное, кто-то донёс или он сам не скрывал) и его исключили из партии. Хорошо, что это было в 20-х годах, а не в 30-х, тогда бы точно посадили. Впоследствии он снова вступил в партию. И репрессии его не коснулись. Большую часть жизни проработал в торгпредстве.

Считается, что в молодости Кузьма был несчастно влюблен, поэтому он женился довольно поздно в сорок лет. Имел сына Александра. Саша окончил радиотехнический факультет авиационного института и всю жизнь проработал по специальности. Последнее время работал в лаборатории точных измерений министерства цветных металлов. Задача лаборатории состояла в том, что нужно было разработать сверхточные измерительные приборы. В основе изобретений сверхточных приборов лежат физические эффекты. Большой опыт работы с ними привёл Сашу к выводу, что надо менять теорию. Последние годы жизни он был одержим работой над формулировкой новых физических законов. Вернее, не новых, а старых, но уточненных и детализированных. У него было много сомнений, так как он не считал себя каким-то особенным и почитал авторитеты в области физики. На каждую свою догадку он пытался найти подтверждение у своих коллег физиков. И когда находил, был очень рад. В частности, одно из его открытий – ошибка в теории относительности Эйнштейна. Подтверждение этой ошибки он нашёл потом у нескольких авторов. В трудные времена распада СССР лаборатория лишилась финансирования и пришлось искать новых заказчиков. Одним из таких заказчиков стал вино-водочный завод «Кристалл». Лаборатория разработала систему точных измерений технологии изготовления водки и в течение десяти лет «Кристалл» работал с этой системой, а мы угощались разливным коньяком, которой Саша покупал на территории завода. Позже лаборатория почти совсем не имела заказов и мы советовали ему устроиться преподавателем в институт на кафедру физики, тем более, что такая возможность была. На что Саша отвечал категорическим отказом: «Я не смогу преподавать студентам классическую физику по программе. Со многими постулатами я не согласен. Они не верны». В последние годы жизни, в возрасте шестидесяти семи лет, он освоил с нуля вузовский цикл информатики и стал хорошим преподавателем в институте. В личной жизни Саша в какой-то мере повторил отца. В молодом возрасте в институте был влюблен в свою однокурсницу армянку, которая предпочла другого. Саша был умен, образован, тактичен, красив (высокий блондин с чуть выющимися волосами, в старшем возрасте напоминал Шалапина) и несколько вальяжен. Он очень хорошо одевался и нравился многим девушкам и женщинам. Его много раз знакомили, но он так и не создал семью. Он был однолюб. Разбирая старые фотографии, оказалось, что фото его девушки и девушки его отца удивительно похожи. Это были брюнетки восточного типа с тонкими чертами лица.

Анна была старшей дочерью и родилась в деревне. Дед, обосновавшись в Петербурге, привез семью и определил Анну в гимназию. Бабушка, всю жизнь прожившая в деревне, купила на ярмарке, как ей казалось, очень красивое платье для учёбы. Когда Анна пришла в гимназию в этом платье, то одноклассники сразу прозвали её «деревенщиной». Платье не соответствовало Санкт-Петербургской моде. Анна решила стать первой ученицей. Что она и сделала. Анна учила предмет на два параграфа больше заданного. В результате, когда учитель объяснял новый материал, она его уже знала и всегда первой отвечала на вопросы учителя. Блестяще окончив гимназию, она решила получить высшее образование. В России в то время в университет женщин не принимали. Для получения высшего образования для женщин был всего один путь – окончить «Высшие женские курсы». Обучение было платное и дед сказал, что на гимназию меня хватило (гимназия тоже была платная), а дальнейшее образование оплачивайте сами. На курсах было три бесплатных места, которые оплачивали меценаты. Анна блестяще сдала экзамены и получила возможность обучаться бесплатно. Таким образом, она получила высшее образование, что было в дореволюционной России большой редкостью.

После окончания курсов она работала, а потом, как считалось, удачно вышла замуж за коммерсанта – Германа Протца. Он был прибалтийским немцем. На самом деле он был полукровка: наполовину немец, наполовину эстонец. Выйти замуж за немца считалось престижным, ведь вся царская семья, хотя они считались русскими, были практически немцами. На протяжении многих веков все российские престолонаследники женились на немецких принцессах.

Интересно воспоминание о Германе, который приехал к деду в деревню Татины. Каждое утро Герман в огороде делал гимнастику. После того, как он уехал, соседи спрашивали у деда, какой он веры. О гимнастике никто не имел понятия. И все думали, что Герман поклоняется каким-то неизвестным богам.

В трудные послереволюционные годы Герман Протц с семьёй решил вернуться в Прибалтику, где его отец владел магазином в одном из городков Эстонии. Приняли их очень враждебно. Одной из причин вражды было то, что Герман был женат на русской. И они вынуждены были оттуда быстро бежать назад в Россию. В 1991-м году, когда Прибалтика отделилась от России, я спрашивала Иру (дочку Германа), что будет с русскими. Она сказала – ясно, что, вот почитай и дала мне письма матери того времени.

Причину враждебности мне трудно объяснить, ведь эстонцы (чухонцы) непонятно когда были независимыми. До завоевания Прибалтики Петром Эстония принадлежала шведам. Но шведы, как я с удивлением узнала, побывав на экскурсии в Таллине, считали чухонцев низшей расой. В центральную часть Таллина, огороженную крепостной стеной, им вообще запрещалось входить. А в окрестности им нельзя было ходить по узким тротуарам, если рядом проходил швед. В лютеранских церквях на стенах находятся надписи с похороненными там знатными людьми. Это сплошь немецкие и шведские фамилии. Ни одного эстонца. Похоже, что знати среди эстонцев не было вообще.

Один мой знакомый, муж моей подруги, помнит, как его эвакуировали из Таллина в 1941-м году. Ему было четыре года. Его отец работал главным инженером на заводе. Немцы были близко. Уже было ясно, что оставаться в городе опасно, но он пошел на завод. Его тут же убили. За семьёй приехал грузовик. И он помнит, как они ехали по улицам сплошь уставленными столбами с повешенными русскими. Это эстонцы приготовили подарок для наступающих фашистов. Я раньше думала, что с русскими расправились немцы, а оказывается это эстонцы устроили массовую резню. Похожие воспоминания я слышала и от других очевидцев.

У Анны были две дочери. Одной дали русское имя Ира, но в паспорте записали национальность – немка, а другой немецкое имя Ида, а в паспорте записали русская. У Иды никогда не было проблем с властями. Она вышла замуж за инженера, который впоследствии занимал хорошие должности и был достаточно обеспечен, родила двух детей и жила в Ленинграде. А у Иры были проблемы из-за её национальности. В начале войны Германа арестовали и сослали в лагерь. Он там с трудом выжил. В конце войны его сослали в Сибирь на поселение.

Ире с матерью было запрещено жить в Москве и Ленинграде. Ира поступила в Саратовский университет на химический факультет. Блестяще училась. Даже вроде бы получала повышенную (сталинскую) стипендию. При распределении она заявила на комиссии, что хочет, чтобы её послали в самую глушь. Так её и распределили. Она рассказывала, что когда ехала в эту деревню, шофер сказал, что это то самое место, где только общие бани. Оказалось, что действительно в этом далеком селе (вроде бы север Архангельской области) были общие бани для мужчин и женщин. Но для Иры баню готовили специально в отдельный день. Ира была очень одаренным человеком и замечательным рассказчиком. Мы, её двоюродные сестры и брат, не отходили от неё, когда она приезжала в Татины, завороченно слушали её рассказы. Неважно, о чем они были, – все было очень интересно. Впоследствии, она поселилась в Зарайске (за 101-м км от Москвы), расположенном на берегу реки Осётр. Татины были в 20-ти км от Зарайска. Всю жизнь проработала в школе. Стала заслуженной учительницей СССР. Школу, где она преподавала, стали называть с химическим уклоном. Многие ученики школы впоследствии закончили химфак МГУ.

За несколько лет до смерти она нам рассказала о своих жизненных перипетиях. Оказывается, что в университете её завербовали в осведомители. Вызвали в КГБ и припугнули тем, что отец в тюрьме, ты- немка, если не хочешь, чтобы твою мать и сестру посадили, то должна докладывать обо всем, что говорят студенты. Она согласилась. Конечно, докладывала только

положительное, но настроение было ужасное. Поэтому Ира попросилась при распределении в самую глушь, надеясь, что её там не достанут. Что на самом деле и было, никакого КГБ в этой глуши не было. Вернувшись в центральную Россию, в Зарайск, к ней снова пришли из КГБ. Она должна была ходить на конспиративную квартиру и докладывать. Ира срочно вышла замуж, чтобы уйти от службы в КГБ, сославшись на ревность мужа. Оперативники после этого довода от неё отстали.

Ира была замужем три раза. Первый брак был неудачным и развалился сам собой. Вторым брак распался из-за матери (тёти Ани), которая постоянно предъявляла претензии к Ириному мужу. Третий брак оказался счастливым. Ира вышла замуж за инвалида войны, потерявшего на войне ногу, который был старше её на десять лет. Она ушла на пенсию в пятьдесят лет (для педагогов пенсия в советское время назначалась на пять лет раньше). Пенсионных денег им хватало и они вместе с мужем стали путешествовать по центральной России. Он увлекался фотографией и писал статьи в журналы и газеты. Ира говорила, что это было самое счастливое время жизни, пока они не стали болеть. Я её спросила, почему она так рано ушла на пенсию. Ирина – заслуженный учитель СССР, завуч, любимица учеников. Она ответила: «Последнее время руководство стало настаивать на фальсификации успеваемости. Мне с этим тяжело смириться».

Елена, моя тётя, родилась в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию. Знала несколько языков. Тётя Лена всю жизнь была очень красивой. Это не только моё мнение. Об этом свидетельствуют многие мои знакомые и родственники. Женская гимназия, в которой она училась, находилась под патронажем императрицы. И однажды она приехала в гимназию. Конечно, к этому приезду очень готовились. Нужно было выбрать самую красивую девочку славянской внешности, которая преподнесла бы цветы императрице. И этой девочкой оказалась Елена. Немаловажным фактом оказалось то, что она имела прекрасный цвет лица. Не бледный, характерный для петербуржцев, а яркий, с нежно-розовыми щеками. Розовые щёки – это одна из особенностей породы людей из села Бельнички. Я там встречала не раз таких людей. Причём не только у женщин, но и у мужчин. Мой папа до тридцати лет тоже имел розовые щёки. Он очень по этому поводу переживал и даже при обследовании спросил у врача, что ему делать. Врач ответил, что с возрастом это пройдёт.

Моя тётя вышла замуж за боевого командира Красной армии Николая Ивановича Майорова. Службу он начал ещё в царской армии в 1914-м году. Получение офицерского звания в царской армии давало сразу право на получение дворянства. Николай Иванович был из простой семьи, стал офицером во время первой мировой войны. Он служил в конной армии и, говорят, пришёл свататься к Елене на боевом коне с шашкой наперевес. Они прожили счастливо всю жизнь, у них родилось четверо детей: две девочки и два мальчика. Первая дочка умерла от воспаления лёгких. Второй дочкой была Нина. Мальчики Виктор и Володя были воспитаны в патриотическом военном духе. Виктор, когда ему исполнилось восемнадцать лет ушёл добровольцем на фронт, а после войны закончил военно-политическую академию им. В. И. Ленина и после выхода в отставку стал преподавать политэкономия в одном из ВУЗов. Владимир в начале войны окончил артиллерийское училище и защищал небо Москвы от налетов фашистских самолётов. А после войны окончил артиллерийскую академию им. Ф. Э. Дзержинского, где и стал преподавать тактику, защитив кандидатскую.

Дядя Коля был очень весёлым и искромётным человеком, постоянно шутил. Тётя Лена была очень доброй и заботливой. Эта забота проявлялась не только по отношению к детям, но и по отношению к родственникам. Мой папа, младший брат тёти Лены, несколько лет жил у них в семье, пока учился в техникуме. Тётя Вера, младшая сестра тёти Лены, тоже постоянно находилась под её патронажем. Во время войны тётя Лена взяла под свою опеку детей своего брата Николая (Таню и Гаю), у которого скорострительно скончалась жена. Таня и Галя до сих пор считают её своей второй мамой. Долгое время, пока родители Нины были в силе, их семья

была центральной в семье Тарелкиных. Тётя Лена и дядя Коля Майоровы были хлебосольными и гостеприимными хозяевами и по праздникам собирали родственников у себя дома.

Николай – мой отец – родился в Санкт-Петербурге. Когда пришло время, дед отвёл его в школу в первый класс. И в установленное время пришел за ним, но не нашел. Стал искать. Оказалось, что маленький Коля перепутал классы и пришёл во второй класс. Во втором классе в первый день учебы проводились контрольные – по математике и диктант по русскому языку. Со всеми контрольными маленький Коля справился. И учитель предложил деду оставить Колю во втором классе. Не хватало только подготовки по закону Божьему. Нужно было выучить несколько молитв.

После окончания реального училища, Николай решил поступить в строительное училище на отделение гидравлики, тогда очень модным считалось направление гидроэнергетики. И он хотел строить гидроэлектростанции. После окончания училища он строил гидроэлектростанцию в Кабардино-Балкарии в Баксанском ущелье (план «ГОЭЛРО»). Затем, в 36-37-м году, Николая пригласили работать в «Аэропроект» – организацию занимающуюся строительством аэродромов, он всю жизнь проработал в этой организации. Построил десятки аэродромов по всей стране. Исколесил всю Россию. Во время войны строил пересадочные аэродромы в Сибири. В 1942-м году между СССР и США был заключен договор о поставке в СССР военных самолетов. Поставка могла быть осуществлена только через восток (на западе шла война). А самолеты не могли преодолеть в то время большие расстояния без дозаправки. Для этого нужны были пересадочные аэродромы.

Папа был знаком с некоторыми известными летчиками, в частности с Марией Расковой. Дружил с Борисом Бугаевым, в то время, когда он был обычным летчиком, а впоследствии стал министром гражданской авиации СССР и главным маршалом авиации. Папа принимал участие в строительстве аэропорта Домодедова, аэропорта в Улан-Баторе (Монголия), аэропорта в Кабуле (Афганистан).

Николай Иванович Майоров

Для строительства аэродрома в Кабуле король объявил конкурс. В конкурсе участвовали Англия, Франция и СССР. Наши представители были направлены в Кабул, в том числе и папа. Они проводили изыскательские работы и делали проект. Проект СССР победил. Король Афганистана устроил для участников конкурса королевский прием. Представители Англии и Франции относились с уважением к нашей делегации, говорили, что русские не сильны в языках, но их проект оказался лучшим. наших представителей перед поездкой в Афганистан приблизительно полгода обучали английскому языку. Никто не предупредил наших инженеров, как вести себя на королевском приеме. Сначала был первый зал с обильными закусками. Потом король встал, щелкнул какой-то палочкой и пригласил всех во второй зал. Во втором зале было по-нашему второе. Этот зал наши инженеры тоже спокойно выдержали. Затем король встал, щелкнул палочкой и пригласил всех в третий зал, а потом, после третьего зала пригласил всех в четвертый. И не обошлось без конфуза. Один из инженеров так объелся, что его пришлось госпитализировать. Николай об этом рассказывал без жалости к потерпевшему. Этот инженер был очень жадным и всех своих товарищей, как говорят, достал.

Николай женился в тридцать лет. Его жена Наташа была дочкой профессора русского языка и литературы Ивана Яковлевича Блинов. Она родила ему двух близнецов Таню и Галю. Позвонила из роддома, что её выписывают завтра. На следующее утро Николай приехал забирать жену, но оказалось, что она ночью умерла – послеродовой тромб.

Как кормить и кто будет ухаживать за новорожденными никто не знал, девочек отдали в дом малютки. Конечно, их навещали. Через полгода Кузьма вместе с папой при очередном посещении заметили, что девочки очень слабы и решили их забрать.

Кузьма организовал родственников для их воспитания. Сначала с ними вроде бы сидела Вера, младшая сестра Кузьмы и Николая. Ей за это платили. Затем девочки жили у Кузьмы вместе с его женой и сыном Сашей. Тётя Маруся очень хотела оставить девочек себе и удочерить. А во время войны девочки воспитывались вместе с Ниной в доме моей тёти Елены. Сёстры жили там вплоть до того, как Николай женился во второй раз. Девочки, можно сказать, спасли отца. Он был во время начала войны призывного возраста. Практически все, кто был призван в 41-м году, погибли. Папу не призвали, так как он был единственным кормильцем в семье. В 42-м году стали призывать всех подряд. Но тут был заключён договор с США о поставке самолётов: папа начал строить аэродромы в Сибири.

Самым непонятным в этой истории является поведение семьи Наташи – первой жены папы. У Наташи были мать, отец и брат. Почему они почти не принимали участие в воспитании девочек? Мать Наташи, через несколько месяцев после рождения близнецов покончила жизнь самоубийством. Вроде бы она бросилась под поезд. До конца ничего неизвестно, но есть версия, что Иван Яковлевич, отец Наташи, стал изменять жене. И это стало известно не только близким, но даже обсуждалось в прессе. То есть, измена превратилась в публичный скандал. Брат помогал деньгами, но рано умер.

Иван Яковлевич был похож на академика Лихачева, с виду – интеллигент до мозга костей. Преподавал ораторское мастерство ведущим центрального телевидения. Принимал участие в составлении словарей русского языка... и дарил внукам пустые коробки из-под конфет. После войны женился на Марии Шахназаровой. Шахназарова – это фамилия по её бывшему мужу, который был видным ответственным работником в министерстве авиационной промышленности. Когда у Марии родился внук, Иван Яковлевич стал настоящим дедом. Очень трогательно возился с приемным внуком, почему-то родные внуки его не интересовали совсем.

Николай женился во второй раз после войны на Татьяне Ильиничне Хохловой. Семья Хохловых была большая и дружная. Но об этом отдельная история. Татьяна окончила педагогический техникум перед войной и её распределили учительницей в Бурят-Монголию, в одно

из сел, находящихся на границе с Китаем. Наполовину село было бурятское, наполовину русское. Её поселили в дом цыганки. В долгие зимние вечера цыганка научила Татьяну гадать. Конечно, всё это воспринималось как шутка, но впоследствии это стало иметь значение. Вскоре началась война. После возвращения из Бурят-Монголии Татьяна эвакуировалась вместе с московскими школьниками на Урал. Она была учительницей и воспитателем. У хозяйки, у которой она поселилась, сын и муж были на фронте. И хозяйка постоянно переживала, живы ли они, если долго не было писем. Татьяна старалась её поддержать предлагая погадать и сказать что-нибудь хорошее. Как оказалось, Татьяна хорошо предсказывала, когда придёт письмо. От мужа хозяйки очень долго не было писем и Татьяна ей нагадала, что муж придет завтра к десяти часам. Хозяйка верила предсказаниям Татьяны. Она встала рано утром и напекла пироги. Ждала до десяти часов. Потом ушла на работу. В 13-ть часов муж вернулся на побывку, должен был приехать действительно к 10-ти часам, но переправу через реку разбомбили, и это его задержало на три часа. Это стало известно в селе. Ещё бы, мало кто бывал на побывке дома во время войны. И тут такое предсказание с точностью до 3-х часов. И ещё был один случай. Председатель колхоза получил уведомление о призыве в армию. Председатель был уже солидного возраста, при котором в начале войны, не призывали в армию, а потом стали призывать. Перед отъездом он зашёл к Татьяне и попросил погадать, вернётся ли он с фронта или нет. Татьяна разложила карты и сказала, что он воевать не будет. На следующий день председатель вернулся в колхоз. Оказывается, вышел приказ председателей колхозов не призывать в армию. И тут началось, потянулись вереницы повозок из соседних сел с просьбой погадать. И Татьяна испугалась, что могут посадить. Гадала только хозяйке. После войны сын и муж хозяйки вернулись с фронта. Когда мы спрашивали мою маму, как она это делает (предсказания по картам). Она отвечала: не знаю, просто так видит.

Галина, дочь Николая – моя сводная сестра пошла по пути отца. Окончила сначала строительный техникум, а затем вечерний строительный институт. Два раза была замужем. От первого брака была дочь Маринка, которая умерла в возрасте 12-ти лет от рака крови. Это была трагедия не только для Гали, но и для всей семьи. Каждый искал причину, и считал, что он в чем-то виноват в этой трагедии. От второго брака у Гали родилась дочь Светлана. В настоящее время Галя имеет двух красивых внуков: Ивана и Данилу.

Татьяна, дочь Николая, моя сводная сестра окончила московский авиационный институт. Вышла замуж за Бориса Хлопова. Имеет двух замечательных дочек – Наташу и Катю, двух внуков Славика и Степана и трёх правнучек. Борис оказался настоящим семьянином. Он является стержнем семьи, всем руководит и всех поддерживает. Борис тоже окончил московский авиационный институт. Всю жизнь проработал инженером в одном из НИИ. Занимается защитой информации. В сложные 90-е годы, когда в НИИ почти ничего не платили, он не ушел оттуда, как сделали большинство инженеров и продолжал там работать. Выжили за счёт огорода, на котором растили картошку и овощи. И последние годы работы Бориса получили признание. Он защитил сначала кандидатскую, а затем докторскую диссертации. То, что сейчас в космос запускают ракеты, есть большая заслуга Бориса. Он и сейчас постоянно находится в командировках и занимается отладкой специальных космических систем.

Я – Ольга, младшая дочь Николая, в младенчестве была очень слабой девочкой, постоянно болела, но была при этом отличницей. Когда я немного подросла, стала заниматься спортом и перестала болеть. Я окончила Московский авиационный институт. Занималась всю жизнь вычислительной техникой и программированием. Защитила кандидатскую диссертацию. В настоящее время являюсь профессором кафедры Информационных систем. Одним из моих увлечений стали горные походы, где я и познакомилась с моим будущим мужем Григорием Рубальским. Григорий впоследствии защитил докторскую диссертацию по теории операций – раздел оптимальное управление запасами. Имеет дочь Анну, которая с отличием закончила психологический факультет Московского государственного университета. Анна вышла

замуж и уехала в Австралию. У них родилась дочь – моя внучка, которую назвали Дианой в честь английской принцессы, хотя сами они говорят, что это объединение их имён – Димы и Анны.

Владимир – младший сын деда. Дядя Володя в последние годы жизни работал в министерстве атомной промышленности и занимался расследованием причин катастроф, что конечно было очень опасно, так как в большинстве случаев это было связано с радиацией. Женился Владимир довольно поздно, ему было больше сорока лет. Тетя Шура была намного младше его. Тетя Шура была красивой брюнеткой, великолепно одевалась и всегда вела себя как светская дама. От этого брака родился мальчик – Анатолий. Он родился шестимесячным и тетя Шура постоянно переживала за его здоровье. Толик похож на тётю Шуру, он брюнет с карими глазами и не похож на мужчин Тарелкиных, в основном, блондинов с голубыми глазами.

Толик был послушным, тихим мальчиком и хорошо учился. Он окончил московский авиационный институт. Сделал хорошую карьеру. У него очень красивая жена и двое симпатичных детей. В настоящее время он является единственным продолжателем рода Тарелкиных.

Вера – младшая дочь деда. Тетя Вера окончила институт коммунального хозяйства и всю жизнь проработала экономистом в планово-финансовом отделе Совинформбюро, затем начальником отдела в АПН – Агенстве печати Новости. Вера довольно поздно (позднее 30-ти лет) вышла замуж за журналиста фотографа Алексея Державина. И сразу, почти подряд, родила троих детей Володю, Виктора и Надю. Владимир пошел по пути матери и окончил финансовый институт. Работал экономистом, финансистом. В настоящее время является предпринимателем малого бизнеса и занимается торговлей. У Виктора с детства проснулись творческие способности. Он окончил художественную школу, а затем Строгановское училище. Занимался художественным дизайном и живописью. Конечно, дизайн дает возможность ему хорошо зарабатывать, но и его живопись тоже нашла признание. Где-то в 1980-ом—1985-ом году я услышала по радио объявление – «На Кузнецком мосту в выставочном зале художников состоится персональная выставка Великого русского художника Виктора Державина». Так назвали Виктора. Слава художника имела последствия. В начале 90-х годов, когда все рушилось, была мода на русских художников. И один из западных меценатов решил вложить в Виктора деньги. Ему предложили пансион в двести долларов в месяц. В обмен на это Виктор передавал авторское право на свои картины. Все картины, которые он впредь напишет, должны были принадлежать меценату. На что Виктор согласился. И в трудные годы он жил вполне себе обеспеченно двести долларов в то время были довольно большими деньгами. Виктор женился на художнице. Сейчас у него выросли дети, которые тоже занимаются дизайном и живописью. Надя, младшая дочь Веры, окончила Московский финансовый институт и всю жизнь проработала в разных организациях главным бухгалтером. У неё есть дочь Ольга, внуки Максим и Михаил.

Но самое интересное заключается в том, что всю свою жизнь дядя Леша говорил, что он прямой потомок того самого Державина, и что имеются какие-то письма, подтверждающие это. Эти утверждения дети воспринимали, мягко говоря, с усмешкой. Дядя Лёша был участником войны, был контужен и иногда говорил странности. Он говорил, что его предок был тринадцатым приемным сыном Державина. Двенадцать детей было законных и один приемный. Якобы, ребёнка подбросили к крыльцу Державина, и он его усыновил. Все законные дети Державина были графьями, а этот нет – он унаследовал только фамилию. В то время именно так делали с незаконными детьми вельмож. Легенда легендой, но на похороны дяди Лёши пришли его родные и двоюродные братья. Один из братьев оказался заслуженным художником СССР. Все тосты говорили стихами. И все они оказались членами дворянского собрания Москвы. Видно доказали, что являются прямыми потомками Державина. В свою очередь дворянское собрание стало тоже либеральным и в него стали принимать и незаконных потомков. У того самого

Державина вообще не было детей. И прямым потомком дядя Лёша быть не мог в принципе. Державины оказались потомками каких-то других Державиных.

Самым интересным мне кажется то, что многие из старшего поколения Тарелкиных и их потомки неплохо рисуют. Исключением является моя двоюродная сестра Нина Майорова, зато она пишет прозу и стихи.

Воспоминания Татьяны Николаевны Хлоповой и Галины Николаевны Лукиной, до замужества Тарелкиных

Мы, Татьяна Николаевна и Галина Николаевна с младенчества не знали материнской ласки. Нас растили родственники отца: тётя Маруся – жена папиного брата Кузьмы, тётя Вера – сестра папы и тётя Лена – сестра отца и Нинина мама. Всем им мы благодарны за участие в нашей судьбе. Дольше всего мы жили в семье Нины – во время и после войны. Нас ничем не обделяли и даже одевали одинаково. Помним, что у всех нас троих были нарядные шерстяные тёмно-синие платица с тремя ложными, сшитыми из бордового шёлка и выглядевшими как сморщенные недосушенные вишенки, пуговками. А на зиму тётя Лена сшила всем нам одинаковые меховые шапки из дяди Колиной меховки, так как у Нины после скарлатины часто болели уши. Так что и зимой мы были в одинаковых шапках коричневого меха и были похожи на медвежат. Где-то даже сохранились фотографии, где мы в одинаковых платицах, а на другой – в одинаковых меховых шапках.

Галя, Николай, Таня Тарелкины

Забыли сказать, что мы с сестрой не близнецы, которые ходят друг на друга, как две капли воды, а двойняшки: Таня похожа на отца, а я, Галя, на нашу маму Наташу.

До школы нам приходилось зимовать у бабушки с дедушкой в деревенской избе с русской печью. В доме было тепло, а на улице холодно. У дедушки была высокая деревянная кровать, сделанная им самим и построенная им с помощью сына Владимира изба-пятистенка. Пятистенка – это значит, что помимо самой избы, где находится русская печь, есть ещё одна комната-горница, которой пользовались только летом, так как печка-голландка не была достроена и не топилась.

Нас удивляло, зачем у дедушки такая высокая кровать, что мы могли спокойно под ней играть, если бы нам разрешили. Но оказалось, что такой она была неспроста. Зимой отелилась корова и новорождённого телёнка дед принес в избу и поместил к себе под кровать, постелив свежую солому. Потом этого телёночка поили из бутылки со сделанной из чистой ткани соской.

Тарелкины

После войны, когда у отца окончились длительные командировки, нам уже исполнилось семь лет и пора было идти в школу, отец женился на тётке Тане. С ней он познакомил нас как бы невзначай, во время прогулки и мы все вместе пошли домой к деду Ивану Яковлевичу Блинову – преподавателю литературы в пединституте. Иван Яковлевич был отцом нашей умершей

мамы. Он предоставил нам для житья две небольших комнаты в своей квартире на втором этаже деревянного дома на Божедомке.

Поскольку он нас не растил и практически не знал, он не испытывал к нам никаких родственных чувств и даже сердился, когда мы играя, случайно забежали в его комнату, которая была больше наших двух. Это и понятно, ведь она была у него и жилой и кабинетом для занятий.

Однажды, когда мы к нему забежали, он не рассердился и подарил Гале цветной карандаш, наверно потому, что Галя напомнила ему его дочь, ведь она была так похожа на мать, а мне – нет. Это видела какая-то родственница или знакомая деда и отчитала его за то, что он сделал подарок только одной из сестёр. Вскоре после этой нотации дед позвал нас к себе и подарил каждой по одинаковой кукле.

Папа с тётёй Таней поженились, но мы продолжали её звать тётёй Таней. Вскоре в 1948 году у нас появилась сводная сестра Оля. Она была болезненным ребёнком, но тётя Таня управлялась с нами тремя.

Тогда почти не было недорогой, но красивой одежды в магазинах, так как только что кончилась война. Мы, в основном, ходили в школьной форме: коричневых платьях и чёрных передниках, а в праздничные дни вместо чёрных надевались белые фартуки. Говорят, что подобная форма была и в царской России. Форма была нужна потому, чтобы не очень выделялись девочки из обеспеченных семей и менее обеспеченных. Тогда было раздельное обучение: девочки учились отдельно от мальчиков. У мальчиков тоже была форма, подобная гимназической царской России: брюки и гимнастёрка или китель и фуражка.

Для нашей младшей сводной сестрёнки Оли одежду шила сама тётя Таня и её сёстры. Одежду шили на вырост, с запасом, чтобы её хватало не на один год. А нам это казалось смешно, когда Олю выводили гулять на улицу, закутанную не по росту. Мы её дразнили, она плакала, обижалась и, уже став мамой, как-то припомнила все эти горести Нине, которая вовсе была ни при чём. Надо уметь прощать свои детские обиды.

Участие в нас принимала и тётя Шура – жена папиного брата дяди Володи и мама их сына Толика. Она каким-то образом была связана или с Домом моды или каким-то спецателье и подарила нам с Таней красивые демисезонные пальто. Мы были рады и модничали в них, считая себя уже взрослыми.

Я, Галя, первой вышла замуж за студента. Он только учился и был отличником. А я и работала, и училась, а потом ещё и растила дочь. Вся наша жизнь проходила в деревянном доме-коммуналке вблизи станции метро Новослободская. Теперь от этих старых домов не осталось и следа. Муж успешно окончил институт и работал инженером. Но ему видно надоела однообразная семейная жизнь, да в тесных условиях. В одной небольшой комнате жили он, я, его мать и наша дочь Марина. Он стал погуливать и оставил семью.

Вскоре после развода я с дочкой получила комнату в отдалённом районе Москвы на улице Молдагуловой – это возле теперешней станции метро Выхино. В соседней комнате жила пожилая женщина, опять это была коммуналка.

Марина росла красивой и умной девочкой. После ухода из семьи отца она сразу повзрослела, а ответственной она была всегда. Училась на отлично. Об её требовательности к себе говорит то, что перед каждой контрольной работой – диктантом она просила меня, вернувшись с работы, продиктовать ей какой-нибудь текст, чтобы проверить знания.

Тогда, а может быть и сегодня, никто не может сказать, откуда берётся эта напасть – рак крови. Моя Марина тяжело заболела. Она почему-то заранее говорила: «Мама, я боюсь тринадцати лет». Я её успокаивала, что всем бывает тринадцать лет и мне тоже было тринадцать. В этот год она не захотела ехать на юг в лагерь от моей работы и мы отдыхали в Подмосковье. Только мы отметили её день рождения, как она заболела по всем признакам ангиной. Попыта-

лась лечить её известными мне средствами. Не помогло, температура осталась высокой, не снижалась. Вернулись в Москву, вызвали врача. Он подтвердил диагноз и выписал те же лекарства.

Всё бестолку. Положили в больницу, сделали пункцию спинного мозга и обнаружили рак крови (белокровие). Ей оставалось жить несколько месяцев. Тогда не умели лечить этот вид рака.

Мне одной было трудно дежурить возле дочки день и ночь. И мне на помощь пришли родственники. Дежурили поочередно и тётя Таня, и сёстры. Как-то днём дежурила Нина.

Марина самостоятельно уже не могла сесть в постели – её надо было поднять за подмышки и усадить в подушки, а чтобы прополоскать ей горло, надо было поддерживать её голову, сама она не могла её удерживать. Как раз во время дежурства Нины, Марину навестил отец. Он покормил дочь супом, а оставшееся куриное мясо предложил съесть Нине. Нина боялась заразиться и боялась есть мясо из тарелки больной. Но с другой стороны ей не хотелось показать девочке, что та тяжело больна, и потому съела мясо. А потом долго мучилась, боясь тоже заболеть, ведь никто не знал, заразна ли эта болезнь и как она передаётся.

Перед смертью, когда я пришла к ней, она стала меня торопить: «Мама, скорей переодень меня, а то не успеешь. Расчеши мне волосы». Так и случилось. Это забыть невозможно. Как это она могла всё предчувствовать.

Через какое-то время я вышла замуж за умного парня, но который ленился учиться и потому стал только квалифицированным рабочим, хотя его отец имел два высших образования. Вскоре у нас родилась дочь Света. Мы съехались с Володей, сдав своё жильё государству. Он сдал свою квартиру, а я свою комнату, мы получили от государства новую двухкомнатную квартиру на улице маршала Голованова. Всё бы хорошо, но он стал злоупотреблять выпивкой. Как-то, забыв ключи дома и будучи нетрезвым, попытался с соседнего балкона перебраться в свою квартиру. Упал. Как ещё не разбился на смерть. Только сломал ногу. Долго болел, лечился, но всё-равно умер.

Света выросла, вышла замуж, родила детей, окончила институт параллельно с работой. Теперь у меня два замечательных внука Иван и Данила. Один увлекается техникой, а второй неплохо играет на скрипке... Впрочем пусть они сами расскажут о себе, когда вырастут.

Тане же предоставляю слово прямо сейчас.

Я полностью согласна с сестрой Галей – родители Нины для нас двоих были самыми родными после отца – вторыми родителями.

Елена Степановна Майорова

Не зря, когда я выходила замуж, мы с Борисом – моим будущим мужем, просили благословения не только у отца, но и у тётки Лены и дяди Коли. Нина тоже очень чувствует родство и мы с ней всю жизнь поддерживаем тесную связь.

Николай Майоров

Вы уже знаете, что помимо родни нашего папы у нас появилась многочисленная родня второй папиной жены – тёти Тани, у которой было ещё пять сестёр и брат. Со всеми мы периодически общались – встречались по праздникам. Родня тёти Тани – так мы продолжали её звать и после замужества – относилась к нам хорошо. Их мама при прощании всегда угощала нас сбережёнными конфетами, доставая их из заветной коробочки.

Особенно близка нам и по возрасту и по месту жительства была дочь тётитаниной сестры Кати – Валя Орешина, с которой мы часто после школы ходили на каток в парк ЦДСА недалеко

от нашего дома и театра Советской, ныне Российской, Армии, построенного в виде звезды. Но это видно только с неба. Часто в детстве мы играли не только у нас во дворе, но и на ступенях этого театра. Самое смешное, что Валя, уже будучи взрослой, не разбиралась в родстве: нас она признавала роднёй, а Нину нет, считая её только близкой знакомой. Как-то за большим столом на дне рождения нашей сводной сестры Оли мы посмеялись над ней, спрашивая, сестра ли ей Оля. Она подтвердила. Тогда ей сказали:

«Но ведь Оля и Нине двоюродная сестра». Она согласилась и сказала, что теперь и Сашу, нашего двоюродного брата, будет считать роднёй.

Маленькая Нина Майорова

Воспоминания далёкого детства – это Пенза, где мы все были в эвакуации. Ярко помню, что, когда нас трёхлетних усаживали на ночь на горшки, нам в руки давали по полену (печь топилась дровами), чтобы мы стучали ими по полу, отпугивая крыс. Соседи по коммуналке считали, что крысы живут у нас в комнате и потому нас не трогают, а у них шуруют.

После Пензы мы с Галей почти до школы жили в семье Нины возле Киевского вокзала.

Поэтому в День Победы мы с кем-то из взрослых вышли на площадь Киевского вокзала. Там собралась огромная толпа народу и все ждали салюта. Помимо салюта нас поразило множество прожекторов, которые освещали всё небо и портрет Сталина, который держался на тросах с помощью дирижаблей.

Примерно за год до школы отец устроил нас в детсад, чтобы мы привыкали быть в коллективе. Отец тогда жил в квартире деда по матери Ивана Яковлевича на Новой Божедомке, теперь улица Достоевского. Вечером из детсада нас забирала сестра отца – тётя Вера, которая через собес была оформлена опекуном. Можно сказать, что тогда из-за нас у неё не сложилась личная жизнь. Когда отец женился на Татьяне Ильиничне Хохловой и она стала жить с нами, Вера Степановна устроилась на работу в Агенство Печати Новости, где случайно встречалась с Галиной Брежневой – дочерью Генсека.

Каждое лето школьные каникулы мы проводили у папиных родителей в деревне. Там нас привлекали к посильному труду. Мы пололи огород, шевелили и сгребали сено, иногда пасли скотину. Это нас не угнетало, а было даже интересно.

Когда мы учились в пятом классе, бабушку парализовало. При этом у неё случались припадки: её подбрасывало на кровати, а зубы сильно стискивались. Дедушке при этом приходилось прижимать её к кровати, а в рот вставлять деревянную ложку, которыми тогда ели в деревнях (нам кстати нравилось есть такими ложками), чтобы она не задохнулась. Припадки случались довольно часто. Это мучило не только её, но и окружающих. Тётя Лена

– Нинина мамаа, сходила к гомеопату, так как бабушка никогда не пила лекарств. Гомеопат сказал, что вызов на дом, а тем более за город, будет очень дорог, поэтому заочно на основе рассказа о припадках выписал ей лекарство – мелкие шарики, которые надо было принимать сразу по-нескольку штук. Бабушка сначала боялась их принимать, но сама стала напоминать о них, когда почувствовала облегчение – припадки стали намного реже. Летом на каникулах мы ухаживали за бабушкой, отгоняя мух и кормя её с ложечки.

Мы с Галей получили после школы-десятилетки сначала средне-техническое образование, а потом и высшее каждый по своей специальности.

Я училась на заочном отделении Московского авиационного института (МАИ), а днём работала на заводе, где и познакомилась со своим будущим мужем Борисом, который тогда работал фрезеровщиком. – воистину, чтобы стать генеральшей, надо замуж выйти за лейтенанта...

По окончании МАИ я продолжала работать на заводе, но уже инженером, а затем в КБ (конструкторском бюро) Сухого, где проектировали не только новые самолёты, но и тот самый знаменитый Буран.

У Бориса мама Екатерина Николаевна, по мужу Хлопова, была домохозяйкой, растя детей – Надю и Борю. В войну, роя окопы для защиты Москвы от немецких танков, она простудилась, тяжело болела и потеряла одно лёгкое. А отец Василий Петрович Хлопов после войны служил в КГБ и потом говорил, что принимал участие в аресте Берии.

Борис в детстве был озорником, в школе учился посредственно и поэтому по совету отца после школы поступил в ФЗУ, где учился на фрезеровщика. Он посерьёзней, стал отличником, получая повышенную (сталинскую) стипендию. Закончил училище с золотой медалью. По окончании училища работал на заводе и одновременно учился на вечернем отделении Московского авиационного института (МАИ). С завода был призван в советскую армию, где отслужил три года. После армии продолжил работу на заводе и учёбу в институте. Его трудовой путь – от фрезеровщика до техника, затем инженера и главного конструктора.

Теперь он крупный радиоинженер, разработчик радиотехнических устройств, доктор технических наук, профессор, академик. Без его бортовой аппаратуры не обходятся космические корабли, в частности, космической системы «Лиана». Он главный конструктор ОКР (отдела космических ракет): «Октава-1». «Октава-с», руководитель НИР «Конкурс»,

«Мираж», «Простор», «Долина», которых побаиваются американцы. В 1982-м году он был в командировке в Сирии, где благодаря его станции «Октава» удалось сбить американский самолёт-невидимку.

У нас прекрасная дружная семья: две дочери Наташа и Катя, названные в честь моей умершей мамы и свекрови. Наташа получила высшее образование и работает по специальности в поликлинике старшей медсестрой. Катя окончила художественное училище, но работает не по специальности. У них родились сыновья Ярослав и Степан. У Ярослава две дочки Лилиана и Виктория, у Степана – Ева. Нас несколько удивила эта «иностранщина», но что поделаешь – у молодых своя голова на плечах.

Мы с Борисом уже отметили «золотую свадьбу», чего желаем и нашим детям, внукам и правнукам. Я сама удивляюсь, какая у меня теперь огромная семья – за столом в ресторане собралось чуть ли не пятьдесят человек, включая семьи и родню моих внуков. Вот какая я богатая! Кстати, кто-то из гостей сказал, что в успехах Бориса есть и моя заслуга. Я скромно промолчала, но в душе согласилась.

Бывают ли на свете чудеса?

Как ни странно, я себя практически не помню маленькой. Наверное, я недостаточно стара, чтобы это помнить. Ведь врачи говорят, что старики помнят то, что с ними было давно, а того, что было вчера – не помнят. Так что я состарилась только наполовину – не помню, что было давно также, как и то, что было вчера. Поэтому, позволю вам рассказать то, что помню по рассказам родителей и братьев.

В начале войны, когда немцы уже приближались к Москве, папа приехал за нами в деревню в дальнее Подмосковье и предложил уехать всем в эвакуацию. Мы, мама, я, мой шестнадцатилетний брат Виктор и мои двоюродные сестры-двойняшки двух с половиной лет, гостили в двухстах километрах от Москвы в деревне у бабушки с дедушкой. Папа считал, что если мы все будем вместе, то ему будет спокойнее за нас, на фронте.

Однако бабушка, увидев вещий сон, который я описывала ранее, воспротивилась отъезду, сказав: «Немца здесь не будет и нам с дедом незачем уезжать отсюда, оставляя дом и хозяйство!»

Когда папа вывозил нас из деревни в Москву, мне казалось, что над нами кружит фашистский самолет, противно воя.

Несколько дней мы пробыли в затемнённой, подверженной налётам немецких самолетов Москве. Когда объявляли воздушную тревогу, мама не успевала нас троих одевать, чтобы вести в бомбоубежище, поэтому мы оставались дома, прятались под большой обеденный стол и там играли до отбоя...

Уезжали мы из Москвы, когда к ней стягивались войска не только для обороны, но и для парада в честь очередной годовщины Октября – брат это вспоминал. Ехали мы на полуторке, крытой брезентом, в Пензу, куда машина везла кого-то по делам, захватили заодно и нас. Ночи были холодные, ночевать просились в деревенские избы. В тяжёлые времена люди сплачиваются и помогают друг – другу. Поэтому и нас пускали переночевать, хоть нас было шестеро, вместе с шофёром. В тепле, за чаем, начинались расспросы: «Что, это все ваши?» – указывая на малышню.

«Да, мои, сыну шестнадцать, дочка, а эти двойняшки – сиротки. Мать умерла в роддоме, а отец, как и положено, на фронте. Всем им по два с половиной года».

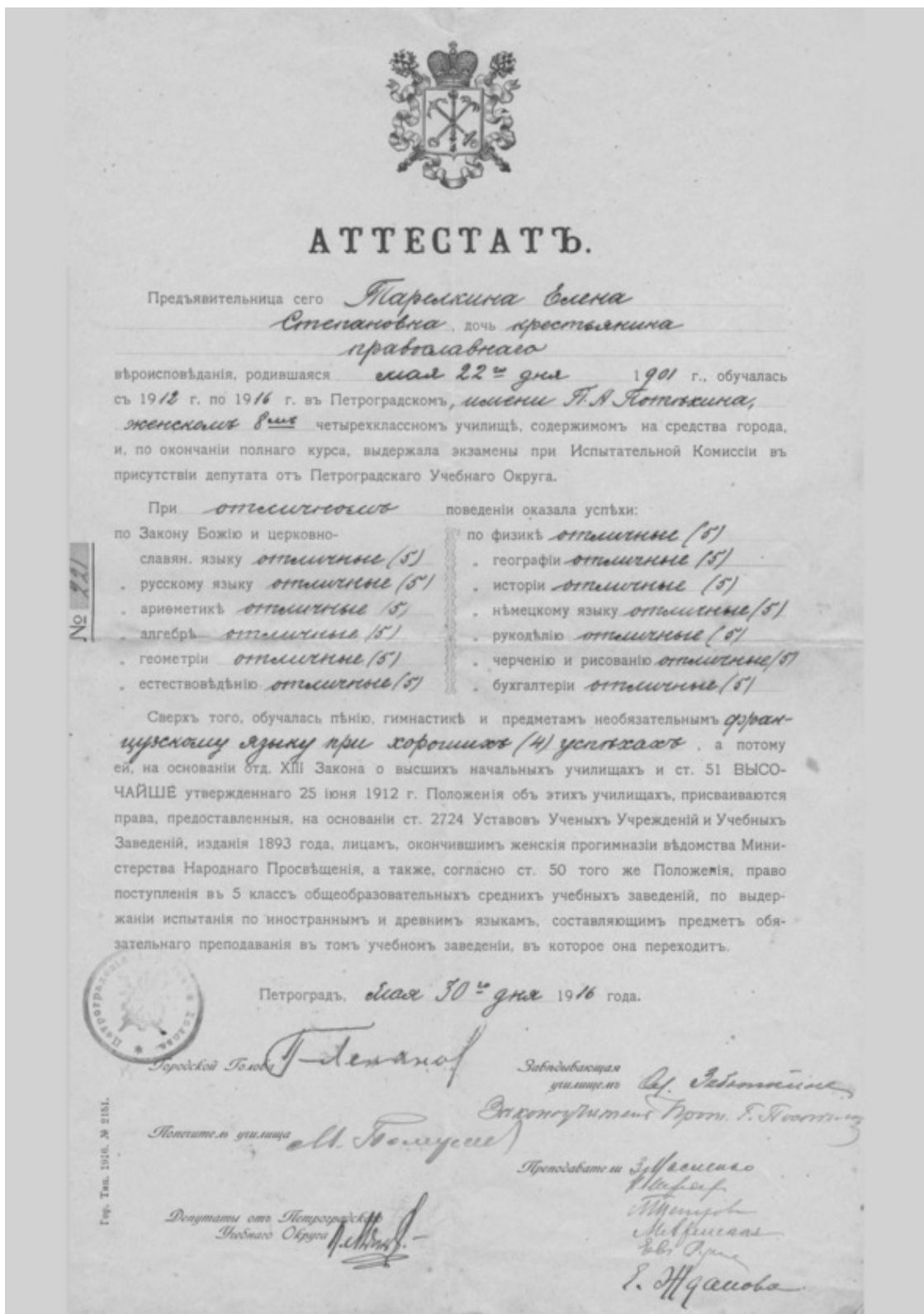
Тут одна из женщин и говорит: «Попомни мои слова, за твою доброту все твои вернутся с войны!» Мама, не поверив, запричитала: «Такая война...». Но и это предсказание сбылось.

Вернулся с войны мой отец, хотя несколько раз был на краю гибели, вернулся старший брат, окончивший в июне сорок первого школу с отличием, но поступивший вместо запланированного ВУЗ-а в артиллерийское училище и распределённый, по его окончании в Подмосковье, оберегать Москву от налётов фашистских самолётов. Вернулся и второй брат, который ушёл добровольцем на фронт, как только ему исполнилось восемнадцать... А вы говорите – чудес не бывает...

Мамины рассказы

Мой отец – Майоров Николай Иванович – кадровый военный, воевал в Первую мировую войну, в гражданскую, в финскую и в Великую Отечественную войну. Закончил войну с многочисленными наградами в звании гвардии полковника. Мама – Майорова Елена Степановна, пока не было детей, учительствовала, а как появились дети, стала обычной домохозяйкой на иждивении мужа. Будучи военнослужащим, папа подчинялся приказам и служил там, куда его направляли, а вместе с ним переезжала и его семья.

Первый мамин ребенок – Ниночка – умерла от воспаления легких зимой 1921-го года, а в 1923-м году родился сын Владимир, в 1925-м году – Виктор. Когда умерла Ниночка, папа служил в Песках под Москвой. Как-то к ним в дом пришёл проверяющий из Москвы. Он увидел пустую детскую кроватку и спросил: «А где же ребёнок?» Мама молча показала в окно, из которого было видно кладбище. Проверяющий посочувствовал и вскоре папу перевели в Москву. На всё лето воинские части переводили в летние военные лагеря, где они продолжали военную подготовку в полевых условиях, а семьи командиров жили поблизости, иногда на территории гарнизона, а иногда и среди местного населения.

Аттестат. Фото из семейного архива

Однажды, прогуливаясь с ребятами, мама зашла в соседнюю деревню и спросила свою знакомую Валю. Оказалось, что Вали нет дома, и её мать сказала, что Валю можно найти в поле, куда она орать поехала.

– А что же она там орёт? – спросила мама.

– Да, по-вашему, значит пашет.

В другой раз мама вышла на просеку, где ещё трудились лесорубы. Мама хотела присесть отдохнуть на только что срубленную сосну, как вдруг её остановил молодой парень-лесоруб: «Не садитесь, а то обсеритесь». Мама возмущилась: «Почему же я обсерюсь?» Лесоруб пояснил, что серой они называют смолу, а если замажетесь смолой, её трудно очистить... Как-то в других лагерях мама пошла вешать выстиранное белье на чердак – так было принято. Чердак двухэтажного дома был высокий и к нему вела крутая лестница. За мамой увязался соседский малыш. Мама его пыталась остановить, говоря, чтобы он за ней не ходил, но малыш всё лез и лез, вдруг оступись и кубарем скатился с лестницы. У мамы, как говорят, сердце в пятки ушло: «Что же будет». Но малыш даже не ревел, поднялся и гордо сказал: «Во, как я умею прыгать!»

Ещё мама запомнила такую сценку в парке, где гуляли молодые мамы с детьми. За одной из мамаш стал приударять молодой офицер. Её сыночек играл в песочнице, но он помнил, что, уезжая в командировку, отец наказывал ему следить за мамой. Он так и сделал. Видя, как мать оживленно беседует с молодым человеком, он один раз позвал мать, потом второй. Никакой реакции, мать только отмахивается. Тогда сын заорал: «Мам! Я в штаны наклал».

Офицер смутился и удалился. Матери нечего было делать, как подойти к сыну. Но оказалось, что это была «военная» хитрость мальчишки, чтобы отогнать назойливого ухажёра.

Мама с папой, будучи молодыми, наблюдали, как соседский мальчик, глядя в окно, говорил своей маме: «Вон Вася идёт». Оказалось, что это был его отец. После этого мои родители решили обращаться друг к другу при детях «папа» и «мама».

Когда мы были в эвакуации в Пензе, с мамой произошел такой случай. Мама пошла на рынок за продуктами. Долго стояла в очереди и слышала, как кто-то, вспоминая довоенную жизнь, рассказывал, как вкусно было есть фаршированную утку или гуся. На что другой человек, вздыхая, ответил, что это сейчас он с удовольствием и по отдельности съел.

Уже с продуктами мама шла по рынку, в одной руке неся тяжёлую сумку, а в другой дамскую, в которой, конечно же, были документы и деньги. Вдруг она услышала щелчок замка дамской сумочки. Обернувшись, она увидела мужчину, который лез в её сумочку. Мама не растерялась и строго сказала: «Прежде чем лезть ко мне в сумку, поинтересовались бы, сколько у меня детей». На что вор спокойно ответил: «А вы, гражданочка, не так сумочку носите». «А как же её носить?» – «Под мышкой», – ответил вор и скрылся.

Помните фильм «Офицеры»? Так вот, некоторые говорят, что этот фильм почти про нашу семью: папа и братья воевали в Великую Отечественную войну. Племянник, его дочь и внук выбрали ту же профессию – «Родину защищать». Династия продолжается.

Награды Николая Ивановича Майорова

Папа и мама были красивой парой. Из-за занятости папы редко попадали в театр, и поэтому мама никак не могла «угнаться за модой»: все в длинном, а она в коротком платье и наоборот. Папа по этому поводу шутил, что она является законодательницей моды.

Фамилии бывают разные, иногда даже чудные, я, например, встречала такие фамилии, как Бабминдра, Педан, а в институте на факультете экономики сельского хозяйства деканом был Жеребилов, а общеэкономического – Озеров. У папы в части служил врач Кобылкин и у него была замечательная семья.

Но однажды, рассказал папа, молодые офицеры разыграли молодых людей: юноша представился девушке – Жеребцов, а она в ответ – Кобылкина. Так они и не поняли, настоящие ли это фамилии, и расстались.

Наша соседка по лестничной клетке рассказала маме, как её обманула якобы глухонемая девушка. Соседка только что получила зарплату, а на улице к ней подошла девушка и знаками стала показывать, что ей нужна монетка, чтобы позвонить по телефону-автомату. Соседка показывает, что у неё нет мелочи. Тогда та сама лезет в сумку и перебирает купюры, убедившись, что там нет нужной монеты, уходит. И только дома соседка обнаруживает пропажу денег и соображает, что глухонемая не может говорить по телефону, а ей так было жаль эту симпатичную девушку.

Ниночка

Как-то при переезде я разбирала вещи в мамином шкафу. Среди старых поношенных вещей я нашла лоскут плотной белой ткани, а в нем – детское платьице, сшитое из портяночного материала. Это была вечная мамина память об умершем первом ребенке: на лоскуте ткани маминой рукой выведено: «Ниночка умерла двадцать первого декабря тысяча девятьсот двадцать первого года в возрасте одного года и пятнадцати дней...». Я конечно из маминых рассказов знала, что помимо двух братьев у меня была бы еще и старшая сестра. Всё это я принимала довольно спокойно, будто это было, а может и нет... Тем более, мама вздыхала, что если бы она осталась жива, то по возрасту попала бы на войну и могла бы там погибнуть. А тут при виде этого платьишка у меня сжалось сердце, к горлу подступил комок и глаза затуманили слёзы. Мне вдруг стало жаль всех: и маму, и Ниночку, и себя. Это стиранное-перестиранное сероватое детское платьице из грубоватой ткани заставило меня плакать навзрыд. «Что там у тебя?», – спросила мама. Я молча показала ей свою находку: «Как это случилось?». И мама рассказала: «А из-за моей неопытности по молодости. Это был мой первый ребенок. Военная часть, где служил папа, стояла на станции «Пески». Я там учительствовала. Как тогда говорили, участвовала в ликвидации безграмотности населения, а в данном случае – солдат. Ниночка – белокурая голубоглазая девочка росла не по дням, а по часам, как в сказке. В шесть месяцев она вставала в кроватке, агукала, улыбалась во весь свой беззубый рот, а если её брали на руки, то она, упираясь ножками в колени взрослых, начинала приплясывать. Солдаты, которые были свободны от службы, прибегали к нам, чтобы позабавиться с «живой куклой» – нашей Ниночкой. Вскоре, я собралась погостить к своим родителям в деревню и показать дочку. «Вот это – твоя бабушка, – сказала я Ниночке, – зови её «баба». И Ниночка тут же повторила: «Ба-ба». – «А это – твой дедушка, зови его «деда» и она сразу сказала: «Де-да». «Ой, Лена, да она у тебя жить не будет»... Тут уж я расплакалась: «Когда другие мне такое говорили, не верила, а тут родная мать...». Примета, оказывается, такая была: если ребёнок быстро не по возрасту развивается, то не жилец он на этом свете. Прошло лето, я вернулась в военные лагеря, всё пошло своим чередом. О грустном забыла. Вот уже и декабрь. Скоро день рождения Ниночки. Надо же ей годик справить. Решила пригласить жён командиров – папиных сослуживцев. Декабрь в ту пору стоял суровый, хоть и снежный, а мороз в прямом смысле трещал. В один из таких морозных вечеров я и отправилась по соседним избам приглашать гостей. Ребёнка не с кем было оставить, вот я её закутала в одеяло и к соседке, затем к другой. А от них скоро не уйдёшь: поболтали, обменялись мнениями о том, о сём. Особенно засиделась у последней товарки, а доченька так закутанной в одеяло и была. Выхожу я из избы, за мной пар клубится, тут Ниночка глубоко вдохнула морозный воздух, а я на это внимания не обратила. Вот на другой день моя девочка и разболелась: плачет, жар у неё... Вызвали фельдшера, тот назначил лечение, вроде и помогать стало. Только он, фельдшер-то, уходя сказал, что лучше бы детского врача вызвать, он де не специалист в детских болезнях. Это мне запало в душу, вспомнила о примете. Нашли «детского» врача, да лучше бы и не находили – коновал это какой-то был... Поставил диагноз «паратиф» и велел лечить примочками. Так вот я своими руками дочурку мою, Ниночку, на тот свет и отправила...

Но примета тут не причём, просто тогда не умели лечить воспаление лёгких, да и дети теперь куда более развитые, чем в те времена. Когда же у меня второй ребёнок родился Володя, так мы с папой поначалу его считали дурачком: и не говорил долго, и ходить поздно стал – опять же мы не знали, что мальчишки развиваются позже... Кстати, тебя мы в честь Ниночки и назвали.»

Прошло много лет. Мамы не стало... Опять, перебирая мамины вещи, наткнулась на детское платьице, сшитое из портянки, – платье моей старшей сестренки Ниночки. Как же тяжело жили люди в то время, а детей растили...

Народная примета и вещий сон

Итак, мы оказались в Пензе. Нам, детям, все было интересно: увидев на улице недействующий фонтан с белой окантовкой, Таня воскликнула: «Ой, какой большой горшок!»

Как – то закончилась крупа и мама сказала: «Вот доедим кашу – и зубы на полку». «А как же мы их вынем? Они не вынимаются у нас!» – заметила маленькая Галя.

В эвакуации мы жили в коммуналке на втором этаже двухэтажного дома, в ближайшей к лестнице комнате. Как – то на этой лестнице поутру взрослые обнаружили храпящего крупного молодого человека. Нам, детям, он показался просто огромным, как дядя Степа. Им оказался молодой матрос, очевидно перепутавший лестницу с трапом.

Помимо этого происшествия, с нами было там много других замечательных событий. Два случая расскажу.

Как – то брат принёс из колонки ведро воды и поставил его на скамейку. Вода была холодная, а ведро вдруг зашумело, будто его на горячую печь поставили. «К чему бы это?» – мама побежала к соседке. «Да это к вестям», – говорят ей.

И что вы думаете? Наутро я проснулась с плачем: «А где папа?» – «Как где, на фронте» – говорит мама. «Нет, он здесь был, а шинель его вот там висела!» – хныча, показываю на пустой гвоздь, вбитый в шкаф. Меня с трудом успокоили. Но уже этой ночью стучит в дверь соседка и говорит: «Вас там какой – то Николай Иванович спрашивает». Мама бросилась вниз по лестнице, внизу стоял мой отец. Он был в Пензе по делам и заехал нас навестить. Все произошло так, как было во сне. Мама боялась, что я могу испугаться, увидев отца, но я только обрадовалась – папа был рядом и шинель его висела на гвозде...

Сочинение ко Дню Победы

Мой прадед Майоров Николай Иванович (1897 – 1980 г.г.) – ровесник маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова – и его сыновья, а мои дедушки Владимир Николаевич (1923 – 2000 г.г.) и Виктор Николаевич (1925 – 2005 г.г.). принимали участие в Великой Отечественной Войне.

Династия Майоровых

Когда наша семья – дедушки, бабушки и мама с папой собирались за праздничным столом 9-го мая, они вспоминали тех, кто защитил нашу страну от фашизма. Вот некоторые истории биографии моих родственников.

Награды Владимира Майорова

Как важно быть смелым

Мой дед Владимир, ещё когда учился в школе, мечтал быть, как и его папа, военным.

Мой прадед Николай воевал ещё в Первую Мировую войну 1914-го года, потом и в Гражданскую, на стороне рабочих и крестьян, за красных.

Директор школы, в которой учился Володя, не хотел, чтобы отличник первого выпуска новой школы шёл в военное училище и даже вызывал в школу его маму, чтобы она отговорила сына от военной карьеры, ведь он, как отличник, имел право поступить без экзаменов в любой ВУЗ.

Володина мама по совету директора написала отцу в командировку о перспективе безэкзаменационного поступления сына, но он одобрил решение сына быть военным.

В июне 1941-го года по окончании школы, Володя поступил в военное артиллерийское училище, которое в начале войны было переведено в Пензу. Володя, как и многие мальчишки в ту пору, мечтал быть лётчиком, но его не пропустила военная медкомиссия, так как он оказался дальтоником. Тогда и решил он пойти в артиллерийское, чтобы сбивать самолёты врага.

В начале войны погибло много солдат и командиров, армии срочно требовалось пополнение, тогда в училище было решено провести ускоренное обучение молодых командиров для отправки на фронт. Курсанты, как и Володя, хорошо учились и стремились скорее попасть на войну, бить врага. Это был первый выпуск военного училища, и первых, лучших выпускников направили на защиту Москвы. Их зенитки стояли в окрестностях подмосковных деревень, чтобы сбивать самолеты противника на подступах к Москве.

Династия

Во второй выпуск училища попали те ребята, кто в столь короткие сроки не успел или не захотел усвоить материал, нужно было хорошо знать кроме всего прочего высшую математику и тригонометрию. Второй выпуск попал в более тяжёлые условия – в действующую армию.

И, наконец, в третий выпуск попали те, кто отлынивали от учебы, трусили, говорили, что не понимают ничего, думая, что они отсидаются в тылу. Но их послали на фронт уже не командирами, а в десант, и почти все они погибли...

Ведь недаром в песне тех лет пелось:

«Смелого пуля боится,
Смелого штык не берёт,
Смелыми Сталин гордится,
Смелого любит народ!»

Война – дело страшное и жестокое, но и на войне люди шутили и смеялись. Так, однажды, Володя прислал письмо-треугольник бабушке Тане, маме и девочкам, в котором шутил:

«Мне выдали сапоги, которые были маловаты, но спасибо мышам, их в землянках предостаточно, – они прогрызли дыры, пальцы теперь торчат наружу и сапоги впору...». А еще у бабушки хранится открытка от прадедушки Коли, в которой он в завуалированном виде сообщил, где он находится, ведь во времена войны не писали точных адресов, а только номер полевой почты. Их часть стояла под Старой Руссой, а он писал в письме: «Помнишь ли ты старую бабушкину русую косу?»

На лицевой стороне открытки, там, где пишется адрес, были портреты великих русских полководцев: Дмитрия Донского, Александра Невского, Александра Суворова, Михаила Кутузова со словами: «Пусть окрыляют Вас в бою победы русских полководцев...»

На обратной стороне открытки, где был текст, стоял штамп: «Проверено военной цензурой».

Как важно быть дисциплинированным

Как-то Володя, старший лейтенант Майоров, стоял на боевом посту возле своего орудия. Вдруг, неподалеку от него приземлился небольшой самолет с нашими опознавательными знаками, звездами. Он приземлился так близко, что сквозь стекла можно было рассмотреть лицо пилота, сидевшего неподвижно, в шлемофоне и больших авиационных очках. Второй пилот выскочил из самолета и балагурил на чисто русском языке: «Эй, лейтенант, не хочешь ли посмотреть на свои укрепления сверху?»

«Заманчиво», – подумал Володя. Но поглядев на часы, сказал: «У меня ещё два часа до окончания дежурства, так что сейчас – никак не могу».

На следующий день вышел приказ по армии, что нужно быть бдительными, а не разгильдяями. Оказывается, на нашем самолете прилетали немцы и с какой-то батареи, таким образом, взяли бойца в плен.

А у бабушки Нины сохранились документы первых послевоенных лет – справки и контрольный талон на август 1945-го года для получения карточек на хлеб, молоко и промтовары, вплоть до отмены карточек в декабре 1947-го года. Если интересно, я их покажу.

Дорога домой

Когда-то все работали по шесть дней в неделю. Поэтому, чтобы навестить родителей, которые на все лето, а то и на шесть месяцев уезжали в деревню подышать свежим воздухом, мне приходилось отпрашиваться с работы пораньше в субботу и ещё на понедельник. Папа – офицер советской армии – был на пенсии, а мама, вырастившая троих детей, была на его иждивении. Папа очень любил возиться с землей: он выращивал в Подмоскowie не только картофель, огурцы, помидоры, тыквы и кабачки, но и арбузы и даже виноград, напоминающий по вкусу Изабеллу, – куст этого винограда привез из Одессы его дядюшка Майоров Константин Михайлович. Папа не ленился ежегодно прикапывать его на зиму землей, а весной откапывать. Дорога к родителям в деревню была достаточно трудна. Электричка всегда была переполнена и все четыре часа до Каширы приходилось стоять. Затем надо было ухитриться попасть в единственный вечерний девятичасовой автобус, едущий в сторону Серебряных Прудов, а затем от остановки Косяевская больница пройти пешком около двенадцати километров. Так называлась остановка, хотя больницы тогда уже не было, хотя помню, что в детстве дедушка меня туда возил на телеге к фельдшеру.

Итак, моя дорога от Каширы. Представьте себе, что вы добегаеете от электрички до автобуса, а он уже переполнен. Людей же перед ним в очереди еще на целый автобус. Последний по расписанию автобус уезжает в двадцать один час. Что же нам делать? Люди бегут к диспетчеру на автостоянку. Там обещают дать ещё автобус, но все в разгоне. Ждите. Вот мы и ждем с двадцати одного до двадцати трех.

Все набиваемся в наконец поданный автобус. Примерно через час выхожу на своей остановке. Когда светит месяц, то дорога кажется сносной. От остановки автобуса надо идти просёлочной дорогой вдоль опушки леса, потом через посёлок Косяево, затем полем до Колеймино, через Колеймино (по-деревенски через Климины), снова полем и ты уже дома у родителей. Как все легко на бумаге... А теперь представьте: луна скрылась за тучами, темень, и вы в незнакомой деревне, где нет уличного освещения и огни в избах почти все погашены – это не город, где «жизнь» ночью только начинается. Тут строгий распорядок: подъём в четыре часа утра – дойка коров (теперь фермы почти все ликвидированы), а в то время в шестидесятые годы по велению Н.С.Хрущёва личные подсобные хозяйства также были ликвидированы. У мужиков тоже тяжелая жизнь: то пахота, сев, уборка хлебов, заготовка сена, силоса, ремонт тракторов, а после работы забота о своем огороде...

Неужели они будут допоздна сидеть? Разумеется, они рано ложатся спать. Только молодежь куролесит где-нибудь на танцах.

Однажды мне пришлось заночевать у совсем незнакомых людей – они просто вошли в мое положение. Но несмотря на их доброту, я почему-то нервничала и не сомкнула глаз до рассвета, пока не стало видно дорогу, и я отправилась в свою деревню. Другой раз, когда я уже дошла до Колеймино, была такая темень, хоть глаз выколи. Куда идти? Вдруг услышала где-то разговор. Кричу, надеясь получить ответ. Мне кажется, что мне что-то отвечают, но что не пойму. Опять кричу, еще и еще – тот же результат. Тут я поняла, что мне «отвечает» эхо. Тогда я в полной темени пошла на голоса и вышла к ферме, возле которой сидела женщина-сторожиха. Она почему-то меня испугалась и крикнула своего напарника из помещения фермы. Тот вышел и стал меня спрашивать, куда мне надо. Услышав куда, предложил переночевать. Но я, помня, как не сомкнула глаз, отказалась. И попросила проводить меня до цистерн в поле. Мне казалось, что оттуда я найду дорогу. Он меня ведёт, как вдруг навстречу нам машина с молодежью, возвращающейся с танцев. Мужик останавливает шофёра и тот обещает, что на обратном пути отвезёт меня до дому. Я не очень поверила и мы продолжили путь. Вдруг нас догнала машина и шофер предложил мне залезть в кабину. Почему-то я с трудом залезла в неё

и мы поехали. Темень. Вдруг он останавливает машину возле леса и спрашивает: «Узнаёшь?» Я отрицательно мотаю головой. Проехали ещё немного – опять та же история. «Ладно, сам довезу», – говорит парень. И правда довёз. Было уже два или три часа ночи. Родители только что легли и поэтому сразу вышли на стук. Шофёр попросил только ведро воды – вода в радиаторе закипела, а папа дал ему ещё бутылку водки – такая была такса за многие услуги.

Как-то по дороге к родителям со мной произошёл такой случай: поехала первой электричкой, в Кашире спокойно села в автобус и доехала до Косяево. Однажды местная женщина показала мне более короткую дорогу от автобусной остановки: надо было идти не просёлочной дорогой, а тропинкой через лес. Сошла с автобуса, иду к лесу. Чуть поодаль на опушке стоит трактор и два тракториста мне что-то кричат. Я не поняла, что и не обратила на это внимание, подумав, что они просто заигрывают со мной. Когда я уже выходила из леса в деревню, мне навстречу шла женщина с двумя детьми, которая меня спросила, не встретила ли я кого по дороге.

Я спокойно ответила, что нет, так как подумала, что или её кто-то обогнал, или она идёт кого-то встречать с автобуса... Тогда она мне рассказала, что рано утром была облава на преступника, бежавшего из тюрьмы и изнасиловавшего в лесу молодую женщину. Но меня Бог миловал... Конечно после её рассказа мне было страшновато ходить этой дорогой, тем более, что моя первая проводница, как-то встретив меня, поведала, что и её – местную как-то напугали чужие парни так, что она заблудилась в лесу почти возле своего дома. Но другой дороги для меня не было, так что побаивалась, но шла.

В другой раз я вышла из автобуса и со мной ещё один пассажир. Вместе мы вошли в лес и он стал меня расспрашивать, не страшно ли мне идти лесом. Тогда я ответила ему фразой, услышанной только вчера в какой-то пьесе по телевизору: «А чего мне бояться, я же с вами иду». Вопрос и ответ повторялись несколько раз, пока мы не вышли из леса.

Нина Майорова

Помните, как я описала случай, когда ночью пыталась пройти мимо баков в поле к родителям в деревню. Так вот как-то я заблудилась даже светлым днём. А было так: я уже дошла с тяжёлым рюкзаком до этих цистерн. В это время на поле работали трактористы. Вдруг меня

догоняет молодой человек на мопеде. Я тогда не знала, что это мопед. Я прошу молодого человека мне помочь. Почему-то я думала, что он погрузит рюкзак на мопед, а сам пойдет рядом со мной – я ему объяснила, куда я иду. Но парень взял рюкзак, вскочил на мопед и укатил. Я испугалась, ведь в рюкзаке были продукты, деньги и документы. Я решила пойти не дорогой, а ему наперерез. И оказалась в незнакомой местности на перекрёстке трех дорог. Куда идти? Вдруг навстречу мне на мотоцикле с коляской едет мужчина. Когда он приблизился, я узнала соседа по деревне тракториста Алексея Ивановича Скалина. «Что ты тут делаешь?» – спросил он. Оказывается я ухитрилась добежать до соседней деревни... На его вопрос я ответила вопросом: «А вы не видели парня с рюкзаком на... или может он привёз рюкзак к моему дому?». «Нет, – отвечает сосед, – я только что оттуда, никого у нас в деревне не было. Садись, подвезу».

Привёз он меня к родителям, а я чуть не плачу – рюкзак жалко. И не поев, а в дорогу я никогда не ем, я отправилась в обратный путь уже по дороге рядом с лесом, где тот парень хотел собирать грибы, – вдруг он оставил мой рюкзак где-нибудь у дороги. Но ожидания мои не оправдались. Так я дошла до «злополучного» поля, где мне «удружил» незнакомый парень. «Что ты уже обратно?», – спрашивают трактористы, работающие в поле. Значит они меня заметили. Я им рассказала, что случилось, и они обещали мне помочь, хотя я уже не надеялась на успех. Один из них повел меня на дорогу к Серебряным Прудам, усадил в попутку и попросил доставить в милицию, сказав при этом, что у них в деревне нет таких ребят. Другой тракторист побежал в контору, чтобы позвонить в милицию и рассказать о случившемся. В то время как в милиции я подробно описывала содержание рюкзака, вдруг раздался телефонный звонок и кто-то сообщил, что рюкзак нашёлся. Оказывается, когда тракторист пришел в контору, чтобы позвонить в милицию, его рассказ о случившемся услышала жена парня, взявшего у меня рюкзак. Она, почему-то, в это же время оказалась в конторе и сообщила, что рюкзак у них дома. Меня на милицейской машине привез прямо к дому, где жил «похититель», молодой милиционер, довольно симпатичный. Он потребовал, чтобы я проверила содержание рюкзака. Всё было на месте.

С трудом мне удалось уговорить этого милиционера довезти меня с грузом до дому. Но я не знаю, как это вышло, мы проскочили поворот к нашей деревне и опять оказались на распутье трёх дорог, и как я его ни уговаривала, что осталось ехать совсем немного, он остался непреклонен и повёз меня обратно прежней дорогой и высадил у того поворота, который сам не заметил. Я, очевидно, от обиды и усталости расплакалась. Вдруг, навстречу милицейской машине и мне едет грузовик, в кабине которого сидят три подвыпивших мужчины. Они останавливают машину передо мной, открывают дверь кабины и спрашивают, кивая в сторону уехавшей милицейской машины, не обидел ли меня милиционер, мы, мол, запомнили номер его машины. Я отвечаю, что нет и коротко рассказываю, что случилось. «Не реви, – говорят они мне, – сейчас мы доставим тебя по назначению». Они заставляют меня выпить глоток водки из их бутылки, хотя я отнекиваюсь, так как в те годы не пила крепких напитков, да и вообще была брезглива.

Они же настояли, надеясь, что это меня успокоит, и я перестану плакать. Но это не помогло, и я продолжала плакать. Зарёванную они довезли меня до дому, получив соответствующую награду от моего отца – бутылку водки. Вот как бывает. Если вам не надоело меня читать, то я продолжу повествование.

В другой раз меня вызвался проводить до автострады юркий молодой человек, так как в автобус мы не попали. Вёл он меня какими-то посадками, город шумел невдалеке, и всё предлагал посидеть. Я шла налегке, так как он нёс мои вещи, и потому отдыхать не собиралась – мне бы до дому скорее добраться. Когда мне надоели его назойливые предложения посидеть, я в сердцах сказала: «Оставь меня ради Бога!» И вы не поверите: он моментально пропал, испарился, как нечистая сила, только вещи мои остались возле меня. Я огляделась: по дорожкам парка гуляли люди, чуть вдалеке шумела автострада. Прохожие показали мне, как туда

пройти. Я взяла вещи и вышла на автостраду к какому-то мосту, а куда дальше идти, в какую сторону, не знаю. На моё счастье возле моста остановилась легковушка с молодыми людьми, которые решили искупаться. В машине остался только водитель, он обратил на меня внимание, подошёл и расспросил, почему я одна с вещами стою посреди трассы, после чего он пообещал посадить меня в безопасную попутку, где едут муж с женой. Так он и сделал.

Впоследствии я несколько раз ездила с этими людьми прямо из Москвы конечно за деньги, оплачивая бензин. Хоть они и не довозили меня до дому, а ссаживали по пути, откуда мне было идти не так далеко, как от автобуса, и время в пути сокращалось.

Как-то, опоздав на автобус, я вышла на ту же трассу, чтобы поймать попутку. Вдруг, возле меня остановилась огромная грузовая машина, в кузове которой сидели трое мужчин. Оказалось, что они едут в мою сторону. Они потеснились и я села в кабину. Дорогой, чтобы их не бояться, я как чеховский чиновник рассказывала им «сказки», что работаю в Минсельхозе, хотя в то время уже работала во ВНИИ. Вдруг они остановили машину прямо в поле. Я испугалась и выскочила из машины, как будто это меня спасло бы, если бы они что-то задумали. Но всё обошлось. Я им сказала, что просто устала сидеть. Вскоре мы поехали дальше, но опять же, не до деревни. Иду я дальше с рюкзаком, осталось идти уже не так далеко, как вдруг мне навстречу легковая машина с молодыми людьми. Я шутиливо махнула им рукой, мол, разворачивайтесь, конечно, не надеясь на это. Вдруг, машина развернулась и мне предложили сесть. Они довели меня до самого дома. Кажется, это были лесники и они знали моего папу.

Воспоминания

Как интересно в детстве было обследовать окрестности нашей деревни. Начать хотя бы с глубокого оврага, который протянулся с одного конца деревни до другого. Обследовать его легче всего было со стороны реки Осётр. По поводу названия реки мы шутили, так как ловили на сделанные папой удочки из сломанного прута орешника, тонкой суровой нитки, грузила из кусочка свинца и поплавка из пробки с воткнутым в неё куриным пером, но ни разу не поймали осетра, а только всякую мелочь, хотя щук мы тоже видели. Как же вкусна была эта рыбёшка, поджаренная бабушкой. Но я опять отвлеклась от основных воспоминаний. Все трое Таня, Галя и я уже учились в младших классах школы и знали, что можно найти отпечатки различных животных. Действительно, поднимаясь вверх по ручью, протекающему в овраге, мы находили «чертовы пальцы», окаменевшие отпечатки раковин и даже окаменевший кусочек дерева. Помимо этих находок нас поразило то, что кое-где склоны оврага были как бы выложены ровными камнями, словно кирпичами, а ещё было множество каменных ядер от самых мелких до крупных, размером с кокосовый орех, которые дед использовал, как груз на квашеную капусту или солёные бочковые огурцы.

Помимо исследования оврага мы берегом ходили до села Большие Белынички. Берег каменистый, в нескольких местах пересекаемый ручьями. Берег порос ивняком – удобное место для ловли рыбы. Вдоль тропинки тянется лес в основном широколиственный – дубняк – высокие в три обхвата взрослого человека шириной столетние дубы. Идём, собираем лесную землянику, дикую клубнику по опушке. Вот и мост через реку, вернее насыпь и клади, оставшиеся от мельницы. А когда-то здесь была мельница и прочная земляная насыпь, по которой проезжали не только телеги, гружёные зерном, но и полутонны с различным грузом. Переходим мы через реку и поднимаемся в гору. Гора крутая, поднимаемся с трудом. Первую остановку делаем у большого камня, очевидно принесенного сюда когда-то ледником. Камень такой большой, что кажется на нём можно было бы поставить настоящий жилой дом. Отдохнув, поднимаемся выше, делая следующую остановку у колодца – здесь одно удовольствие попить холодной водицы в такую жару. Подъём продолжается и вот мы у цели нашего путешествия – в магазине: нам поручено купить хлеба и сахара, а за керосином придётся идти в следующий раз. Продавщицей здесь красавица Нинка из крайней избы нашей деревни, но нам она не делает никаких поблажек, а порой и обсчитывает. Домой с грузом мы идём другой, более короткой дорогой мимо деревни Пески, просёлочной дорогой, а затем лесом. Вот мы и дома.

Забыла сказать, что под магазин был приспособлен чей-то кирпичный дом с пристройкой и подвалами, наверное конфискованный или оставленный бывшими хозяевами в беспокойные революционные годы. Что ещё вспоминается? То, что эту дорогу практически ежедневно и в любую погоду приходилось преодолевать почтальону Полине, которая жила в соседней деревне Косовой, что была ещё дальше нашей деревни вверх по реке, а за корреспонденцией ей приходилось ходить в почтовое отделение Б. Белынички. Совсем плохи стали дела, когда половодьем снесло клади через Осётр. Тогда переходить через реку приходилось, перепрыгивая с одного крупного камня на другой. Мне было жаль Полину и жителей наших небольших деревень, которым надо было с таким трудом перебираться через реку, чтобы попасть в магазин, на почту и на кладбище, а детям в школу. И, несмотря на то, что изменились границы сельских административных районов и наши деревни перешли в ведение Алферьевского сельсовета, а Б. Белынички, по другую сторону реки – к Авдеевскому, всё равно время от времени приходилось перебираться через реку.

Тогда я уже была студенткой и решила помочь жителям, написав в газету, кажется «Сельскую жизнь» фельетон, как оба сельсовета смотрят друг на друга исподлобья, но ничего не предпринимают для постройки моста. Когда я вернулась из деревни в Москву, меня ожи-

дало казенное письмо из редакции газеты. В нём говорилось, что если меня этот вопрос до сих пор волнует, я должна позвонить по такому-то телефону. Я не преминула это сделать и услышала в ответ, что сейчас уборочная страда и не до мостов. Вот я уже на пенсии, а воз и ныне там. Мало того и по камням теперь не перебраться, а только в брод, а течение у порогов очень сильное. Причем брод довольно глубокий, порой вода доходит вплоть до шейки. Ни тогда, ни сейчас никому до этого дела нет. Вот такие дела.

Однако всё течет, всё изменяется. В девяностые вместе с развалом Союза стали разваливаться совхозы и колхозы, и руку к этому приложил и наш Всесоюзный научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства. Помню с каким восторгом рассказывал о своих успехах в этом деле один из руководителей подразделения В. П. Арашуков. Я же про себя возмущалась, что это очередное головокружение от сомнительных успехов, как и в те времена, когда порой людей насильно сгоняли в колхозы.

Вскоре, после развала совхозов, никому уже не нужны были ни скотные дворы, ни коровники, ни луга, ни пахотные земли.

Строения разнесли по кирпичику для своих нужд бывшие колхозники и работники совхозов, а поля и луга заросли сорняками. Сломали и бывший кирпичный магазин, куда мы в детстве ходили за продуктами. На его месте вырос чей-то современный дворец. А новый магазин построили не так далеко от прежнего – панельный с большими стеклянными окнами короб. Но кое-что есть и хорошее: там, где прежде возле реки паслись коровы, останавливаются на отдых с семьями в палатках туристы. Тут же на отмелях приютились цапли. Не знаю хорошо ли это или плохо, появились выдры, бобры, которые строя запруды, валят огромные старые ветлы. А печалит меня больше всего то, что в детстве в реке было полно белых лилий – кувшинок, из которых мы плели себе венки.

Теперь их нет и в помине, а растут только жёлтые лилии, которые кажется называются кубышками. Они тоже по-своему красивы, но с белыми их не сравнить. Совершенно правильно, что их занесли в «Красную книгу». Из лесных цветов я больше всего люблю майский ландыш – это нежный с нежным ароматом цветок. Слышала, что его также занесли в «Красную книгу». Хочу посоветовать любителям природы перенести несколько кустиков ландыша с корневищем в затенённое место вашего садового участка: это может быть северная сторона вашего дома или тень дерева, можно и яблони и через несколько лет этот участок будет радовать вас нежным ароматом. Ещё я не знаю от чего это зависит, но на моем участке в деревне растут грибы – подберёзовики, белые, козлята, маслята, сыроежки, синюшки, толкачики, свинушки – съедобные грибы и ещё полно разных поганок, включая красные мухоморы.

Может быть потому, что в своё время мы обсадили наш участок молодыми берёзками и дубками. Теперь это взрослые деревья, а вокруг молодая поросль. А может быть потому, что набрав грибы в лесу, перебирая их дома, червивые грибы мы крошили и разбрасывали их под нашими деревьями.

Что ещё вспоминается из нашего деревенского детства?

В детстве мы проводили там все лето. Когда мы были совсем малышня и ходили по грибы в ближайший овраг, который прозывался «Хлюпины» вероятно потому, что там были болотца и вода под ногами хлюпала. Однажды на проезжей дороге мы встретили двух огромных собак и стали их подзывать к себе: «собачка, собачка...», но они нас не послушались. Когда же мы пришли домой с грибами и рассказали про этих собак, взрослые подробно расспросили нас, как выглядели эти «собаки», и предположили, что это были волки.

Детские обиды

Мама меня куда-то ведёт и ругает прилюдно, а я упираюсь. И неважно, каков повод, но это запомнилось на всю жизнь.

Мои одноклассницы Аллочка и Светка, я их катала на своих санках, обещали покатать меня после того, как я их покатаю, а сами убежали, не исполнив обещанного. Успокаивала себя мыслью, что не дам им поиграть с живым белым медвежонком, которого мне, может быть, привезет в подарок с Севера старший брат. С этой сладостной мыслью о мести и уснула.

Мама моей старшей подруги Вики, когда мы с ней играли в песочнице, вдруг подошла, обняла и поцеловала меня. А мне было неприятно, что неродной мне человек меня целует. Царапнуло и то, что Вика, став старше, перестала с нами играть, предпочтя нам мальчиков. А мы ещё так тянулись к ней...

Болезненно врезалось в память, как сбила машина во дворе девочку-старшеклассницу, играющую в классики. Первое сильное потрясение от чужой детской смерти.

А второе – когда однажды мама выпроваживала меня маленькую погулять на улицу, а я хотела остаться дома... А позже мы с мамой услышали рассказ соседей, что именно в это время выбросилась из окна генеральша, оставленная мужем. Она разбилась насмерть. Я этого не видела, к счастью.

На Новый год в Красном уголке домоуправления устроили ёлку, а Снегурочкой была девочка Ира, не блистающая красотой и на наш детский взгляд чересчур бледная и тощая. Мы роптали. А вскоре после Нового года Иры не стало. Её мама, зная о смертельном заболевании дочери, устроила ей этот маленький праздник...

Дети привезли мне из леса шишки сосны и сказали, что это ежата. Я потом долго плакала оттого, что они не бегают и что меня так жестоко обманули.

Слёзы были частыми спутниками моего раннего детства по причине моей доверчивости.

Мозаика воспоминаний. После школы

После неудачной абитуры в пятьдесят шестом году я поступила на курсы стенографии, за папин счёт. Чем привлекла меня эта профессия?

Самым интересным мне казалось тогда то, что я смогу записывать свои секретные мысли тайным шифром, который смогу читать только я.

На курсах стенографии и машинописи у нас были хорошие преподаватели: мы повторяли грамматику, нас обучали слепой десятипальцевой технике печати на машинке, это умение давалось только благодаря постоянным тренировкам. Самым интересным был алфавит и особые правила сокращения слов, часто встречающихся сочетаний букв и целых слов и словосочетаний.

Например – рога (нарисованные вилочкой) означали крупный рогатый скот. Подчеркнутая буква «с» означала аббревиатуру СССР. Две подчеркнутые буквы «р» обозначали РСФСР. И так далее.

Директором курсов была Нина Сторчак, образ которой напоминал мне Василису Прекрасную. А Анфия Васильевна преподавала стенографию и была очень спокойной и доброй учительницей.

Закончила я курсы с хорошими оценками. Моя мечта стать учительницей начальных классов не сбылась, так как у меня даже не приняли документы в пединститут, ведь тогда действовало распоряжение Н. С. Хрущёва о приеме на учебу в ВУЗ только по профилю работы. И мне пришлось искать работу машинисткой-стенографисткой.

Скорость записи у меня была не очень большая – до ста слов в минуту, а надо было сто двадцать.

Закончив курсы, я поехала в деревню помочь родителям сделать заготовки на зиму. Но главное для меня было подышать свежим воздухом.

Там-то меня и нашёл мой дядюшка Алексей Александрович Державин и сообщил, что мне нужно выходить на работу машинисткой-стенографисткой в Главную инспекцию по земледелию Министерства сельского хозяйства РСФСР.

Нина Майорова

И закрутилась жизнь: я была втянута в общественную работу, меня избрали в комитет комсомола Главка. Заседания комитета проходили после работы. Принимала участие в драмкружке, который возглавлял Николай Максимович Левченко, где я исполняла рассказ А. П. Чехова «Злой мальчик», была ведущей чтицей в пьесе венгерского автора «Марика», сыграла Лилю, «у которой ветерок в голове», в современной пьесе. Помимо этого я писала заметки

о нашей комсомольской жизни в многотиражку. Например, писала о соревнованиях сандружин района, как участница этих соревнований. О проходах китайских студентов на родину после окончания московских вузов. А вскоре там началась культурная революция и неизвестно, что стало с этими молодыми специалистами. Принимала участие в субботниках, готовилась к майской и ноябрьской демонстрациям, украшая голые ветки деревьев весной бумажными цветами яблонь, а осенью настоящими яблоками, а потом с радостью участвовала в демонстрациях. Как-то моя фотография даже попала на страницы восьмомартовской праздничной многотиражки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.